

18+

СЕРГЕЙ АМАН

Княжна Гага

ЛЮБОВНАЯ ДРАМА
В МНОГОЧИСЛЕННЫХ АКТАХ

Сергей Аман

**Княжна Гага. Любовная драма
в многочисленных актах**

«Издательские решения»

Аман С.

Княжна Гага. Любовная драма в многочисленных актах /
С. Аман — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В романе сплетены две линии, находящие в финале неожиданное разрешение. Современная линия — о любовной драме художника, пишущего картины, где главное действующее лицо Чингисхан, и журналистки, считающей себя потомком князей империи Сотрясателя Вселенной. Историческая повествует как раз о возникновении, возвышении и распаде империи Чингисхана и его потомков. Она включает походы чингизидов на Русь и другие страны тех времён.

© Аман С.

© Издательские решения

Содержание

Княжна Гага	6
Акт первый. Она лежала...	8
Акт второй. Он стоял...	12
Акт третий. Всё начиналось с чепухи...	16
Акт четвёртый. Лица...	20
Акт пятый. Её овал сиял...	24
Акт шестой. Горячим отблеском стихий...	28
Акт седьмой. А он не думал ни о чём...	32
Акт восьмой. Она была погружена...	36
Акт девятый. В чужую жизнь...	40
Акт десятый. И ей ключом...	44
Акт одиннадцатый. Просвеченным до края дна...	48
Акт двенадцатый. Отвесным солнечным лучом...	52
Акт тринадцатый. Казалась жизнь...	56
Акт четырнадцатый. Была ясна...	60
Акт пятнадцатый. И ширь её...	64
Акт шестнадцатый. И глубина...	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Княжна Гага

Любовная драма в многочисленных актах

Сергей Аман

© Сергей Аман, 2026

ISBN 978-5-0071-1750-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Княжна Гага

Любовная драма в многочисленных актах

И немедленно выпил!

Венедикт Ерофеев, поэма «Москва — Петушки»

Несколько предварительных слов от редактора

Когда мне прислали этот текст и я по старой привычке перед сном просмотрел его дома по диагонали, чтобы решить, стоит ли его читать вплотную, я сразу определил для себя, что это какой-то бред то ли сексуально неудовлетворённого, то ли, наоборот, сексуально пресыщенного человека. Он просто помешан на сексе, решил я. Да причём каком-то ненормальном, временами просто диком. Даже и читать не буду.

Судьбу этой книжки решила случайность. Когда я, оторвавшись от экрана, вышел на кухню заварить себе чаю, у компьютера присела моя жена, намеревавшаяся просмотреть свою почту. Хотя у неё есть свой ноутбук, она по-прежнему любит занять моё место. Вернувшись в свой кабинет, я обнаружил её прилипшей к монитору. Она вовсю читала сей странный опус и даже не дала мне выключить комп. Я удивился (что она в нём нашла?), и пошёл спать слегка раздражённый.

Наутро я первым делом спросил, как она переварила это безумное по сексуальным откровениям чтиво. Она мне улыбнулась, но ничего не ответила. Это меня задело вновь, но времени выяснять причину этой таинственной улыбки уже не было — нужно было идти в издательство. И лишь вечером я, весь день носивший в глубине души недоумение, решил расставить точки над *i*.

— Неужели ты прочла всю эту несуразицу до конца, — спросил я.

Жена кивнула.

— Да это ж блевотина! — вырвалось у меня.

— Местами да, — спокойно ответила она. — Но это неприкрытая реальная жизнь, в которой её сексуальная подоплёка просто вывернута наизнанку.

Такого ответа я не ожидал. Но я-то знал, что женщины всегда инстинктивно мудрее мужчин. И видят то, что мужчины впопыхах проскакивают. Я решил прочитать текст вплотную. И не пожалел об этом. Надеюсь, не пожалеет об этом и читатель. А вот на отзыв рецензента я не стал обращать внимания.

Отзыв рецензента Валентина Никчёмного

Что тут скажешь, текст до ужаса банален, нуден и совершенно непригоден для серьёзного чтения. Повествование полно искусственных сюжетных ходов, некоторые из которых ещё и повторяются. От них устаёшь, как, впрочем, и от самого чтения. Сплошь и рядом наблюдаются фактические неточности относительно описываемого времени. Когда именно происходят события, изображаемые в романе? А бог их знает, потому что те или иные приметы российской или иной истории взяты из разных лет, поэтому нельзя поместить повествование в какой-то определённый исторический интервал.

Самое интересное в книге — это «цитаты», выданные из необъятных просторов интернета. Здесь надо сразу оговориться, что речь пойдёт о персонаже, а не об авторе. Или об авторе, но не о персонаже? Трудно сказать! Ведь автор сам запутался в своих определениях! То он автор, то он персонаж, то он вообще неизвестно кто! Да о чём тут можно говорить, если почти

весь массив повествования собран из чужих, хотя и неузнаваемых «цитат», проще говоря, содран из интернета.

В романе порой ускользает психологическая достоверность происходящего. Иначе говоря, в реальность некоторых событий и выборов главного героя не слишком веришь. Но, опять же, если автор ставил себе задачу показать бытие обывателя (а не творческой личности), а также его внутренний мир (мысли, установки, убеждения и словарь), то он блестяще справился. Только читать это скучно. Я дочитал это только в силу нездорового интереса, чем же всё-таки кончится дело.

Несколько предварительных слов от автора

Эта фантастическая бль, как пыль, как песок, что текут сквозь пальцы, стоит их зачерпнуть в кулак. И что останется в горсти через минуту? Да ничего. Так, лёгкая грязца. Смысл — и забыл. Однако в жизни человеческой следы прошедших лет так просто смыть не получается. Как в анекдоте — а осадочек-то остаётся.

Эту документальную фантастику трудно идентифицировать, потому что речь в ней пойдёт об Урмакии и населяющих её урмакцах. Урмакия и урмакцы — маленькие, но относительно самостоятельные республика и народность, находящиеся то ли где-то в окрестностях Байкала, то ли в прикаспийских степях, то ли на землях где-то между ними. Одно знаю точно — они большие поклонники коневодства и одного из его производственных результатов, то бишь конины.

Кстати, вы о них, возможно, никогда бы не узнали, не доведись вам познакомиться сначала с одной из её жительниц на страницах этого повествования, а затем, там же, и со многими другими славными представителями этой маленькой, но гордой республики, входящей в состав нашей необъятной Российской... чуть не сказал, Империи. Извините, Федерации, конечно же, Федерации.

И последнее. Так как многие исторические (и не только) факты и их интерпретации были почерпнуты из интернета, приношу свои извинения тем, кто посчитает это интеллектуальным воровством, и выношу свою благодарность тем, кто по широте души своей предположит, что история принадлежит всему человечеству, а не отдельным её, хотя и профессионально состоятельным, представителям. Они достойны самой благодарной моей признательности, которую я им с поклоном и выражаю. Засим продолжим.

Акт первый. Она лежала...

Она лежала поперёк постели, задрав ноги на стену, вернее, на маленький ковёр, который её прикрывал. Стену, а не женщину. И её белые носочки контрастировали с красным орнаментом ковра. Белое на красном, надо сказать, концептуально. А вот чёрные узкие брючки, почти обтягивающие короткие ножки, терялись на этом фоне. Чёрное на затенённом верхней полкой красном, да ещё размытом орнаментом...

Только что проводив так называемых гостей, я возвращался с лестничной площадки и от увиденного на мгновение застыл в проёме двери. Я не рассчитывал кого-то увидеть в мастерской. Однако я уже изрядно подустал и не стал ни искать объяснений сам, ни спрашивать их с лежащей на моей постели женщины. Практически не раздумывая я вновь двинулся и бухнулся рядом с ней, привалившись к стене. Мы расположились таким странным изломанным валетом.

Глаза её были закрыты. Она молчала. Спит, что ли, подумал я. Когда успела? Я протянул руку и дотронулся до плеча, намереваясь потрясти безмолвное тело. Но стоило мне коснуться материи её тёмно-синей блузки, как она мгновенно прихлопнула мою правую ладонь своей левой. Я вздрогнул, а она так и осталась лежать безмолвной, но прижимающей мою руку к своему плечу.

Я потихоньку, от неожиданности не зная, что сказать, потянул свою руку, и она, слегка прижатая, поехала к её груди вместе с принадлежностью этой молчуньи. И когда моя ладонь уже стала въезжать на прелестный телесный холмик, большим пальцем ощущая под тонкой материей блузки сначала тесёмку бюстгалтера, а потом и его чашечку, я решил, что надо эту игру прекращать и выдернуть руку. Но она, будто почувствовав моё намерение, вдруг стиснула и ещё сильнее прижала мою ладонь к своей груди. И я понял, что моё намерение было ошибочным. А её — твёрдым и не предусматривающим обратного пути.

Какое-то время я смотрел на неё. Да, красавицей её не назовёшь. Лицо специфическое, скорее круглое, чем овальное, азиатское, с немного приплюснутым носом и широкими скулами: будто вырубленное из тёмного дерева и отполированное ветрами и временем. А при этом кожа отливает почти нежной смуглой матовостью. И было на этом лице выражение какой-то, не знаю, как сказать, суровости, что ли... Будто я ей уже заранее ненавистен или неприятен. Впрочем, возможно, что всё это мне только показалось, ведь прижатая ею самую к своей груди моя рука говорила об обратном.

Не мой, конечно, тип, но что поделать, если женщина просит... Только что она просит? Чем это кончится? Я решил всё-таки встать и высвободить руку. Стал тихонько сдвигаться на край своих «полатей», а моя правая рука под её левой стала совершать круговое движение по часовой стрелке, невольно массируя её грудь. Она приотпустила свою ладонь, давая моей руке двигаться, но не сняла её. Я уже стал приподниматься, стоя к ней вполоборота и готовясь выдернуть свою конечность, как вдруг она, не открывая глаз, вскинула обе своих руки и вцепилась в мой поясной ремень. Я опять застыл.

Не успел я ещё сообразить, как мне действовать, она стала ловко расстёгивать брючный ремень. В такой ситуации я ещё не бывал, обычно инициатива всё-таки исходила от меня, а не... Впрочем, может, она вообще неизвестно чего хочет, а я тут навоображал. Я стоял, наклонившись над ней, и думая, что же всё-таки предпринять. А она уже расстегнула пряжку и взялась за молнию с брендовой пуговицей над нею. И я вдруг возбудился сам. Мне подумалось, что мой член не мыт с утра, в смегме, а я всегда ответственно отношусь к личной гигиене...

— Подожди! — шепнул я, решительно взяв её сопротивляющиеся руки и насильно положив их на её грудь. Тут она впервые сверкнула снизу на меня своими чернящими глазами, и я увидел в них и мольбу, и силу одновременно.

— Я сейчас приду, помоюсь только, — объяснил я и добавил с неожиданно проснувшимся чувством юмора, — в общественно полезных местах.

Она как будто расслабилась, поняв, что у меня нет планов бросить её, а я, наконец распрямившись, двинулся, придерживая брюки, из комнаты в сторону кухни. Тут надо объяснить устройство моего убежища. Моя мастерская совсем не моя, я её арендую. Кстати, у известного всему миру, хотя и вроде бы просто московского, художника. Но имени его я вам не назову. Мне ещё жить и работать в этом светлом помещении... Вот именно, что светлом! Это для художника одно из первейших условий его работы. Я имею в виду естественный солнечный свет, проходящий через огромное, почти во всю стену, окно.

Именно этим окном, наверное, и руководствовались когда-то начальники от МОСХа — Московского отделения Союза художников РСФСР, определив во владения живописцев самый верхний — нежилой — этаж одной из стоящих вертикально панельных коробок в районе Новогиреева. Кроме моей комнатухи с панорамным окном, в которой настоящий владелец уже многие годы не появлялся, были ещё две такие же. Художника, занимавшего смежную со мной мастерскую, я видел раз в три — четыре года. А живописицу, чья дверь была напротив моей, вообще только раз в моей арендаторской жизни. Она, кажется, использовала это помещение только как склад своих забытых работ.

На все три мастерских был предусмотрен один санузел, где еле умещался унитаз, и закуток, который я собственными усилиями превратил в кухню и помоечную, вернее, помывочную. То есть не от слова «помойка», а от понятия «помыться». Когда-то, заехав и задрожившись с местными дворниками и сантехниками, я вместе с ними затащил при помощи лифта на нежилой этаж брошенные, но вполне исправные кухонную плиту и огромную чугунную ванну. Как говорится, сейчас таких не делают. Они же кинули гибкий газовый шланг, а вода в этом благодатном месте уже текла из краника. Поставив ещё пару бутылок водки, я обзавёлся подвешивающимся под потолком кем-то брошенным старым водогрейным котлом, и жить в моей берлоге стало совсем сносно.

Правда, с ванной случился некоторый казус. Рядом, то есть стоя впрытык, плита и ванна не помещались. И пришлось для моей чугунной ёмкости сделать возвышение из брусков и досок, так что восходить в неё приходилось по ступенькам, будто на трон в средние века. Зато котёл оказывался под рукой, и его легко было регулировать, принимая блаженно-ублажающий душ. Оставалось только отделить ванну от газовой плиты виниловой занавесочкой, что я и сделал когда-то. Сейчас я отодвинул занавеску и, стоя уже без брюк и рубашки, неторопливо полоскал своё хозяйство под тёплой водичкой. А не подхвачу я чего-нибудь от этой любвеобильной дамы? Да не должно быть. Кажись, интуиция меня никогда не подводила.

Что-то я стал мнительным... Вперёд и с песней! Оставив на себе только трусы, я вернулся в мастерскую. Она лежала в том же положении, будто и не было между нами интимной ситуации, а просто девушка прилегла, устав от дневных хлопот и закинув затёкшие ноги на коврик, и задремала в нежно-божественных объятиях Морфея. А может она под наркотиками, вдруг кольнула меня нехорошая догадка... Да нет, таких я тоже перевидал немало, у них реакция совсем не та. Им под кайфом уже хорошо. А тут женщина явно томится, хотя виду и не подаёт. Я опять присел на лежанку и провёл ладонью по щеке и шее восточной чаровницы.

На этот раз она спокойно, всё так же не открывая глаз, подняла руку и положила её мне на голую грудь. Прикосновение оказалось лёгким, я бы даже сказал нежным. Маленькая ладошка прошла по моим грудным мышцам, а затем крохотным веером пальчиков, покачиваясь, стала спускаться по животу. Достигнув кромки моих трусов, она на миг замерла и двинулась дальше поверх материи. И остановилась, достигнув бугорка моего уже напрягшегося под трусами дружка. Если в первую её попытку у меня возникло сексуальное желание только виртуально, в мозгу, то теперь голова и головка пришли во взаимоисключающее напряжённо-расслабленное согласие.

Это оказалось очень приятное состояние. Я откинул голову к стене и закрыл глаза. Она поглаживала бугорок, а он всё напружинивался и рос. Вдруг моя азиаточка как-то так быстро перевернулась, что оказалась лежащей на животе перпендикулярно ко мне. Её правая рука быстро оттянула край материи, а левая уже держалась за ствол члена. Не успел я отреагировать, как она обхватила его ртом, и я почувствовал, что близок к оргазму. Но я не останавливал её. Сладостное напряжение всё нарастало, и я уже неосознанно двигал тазом вверх и вниз, а в последнюю секунду, не выдержав, схватил её голову и вжал в свой пах, нанизав на восставшую плоть.

Внизу меня как будто что-то взорвалось, но лёгкую боль перекрывали мощные толчковые волны высвобождения. Ещё держа её голову прижатой к своему телу, я постепенно обмяк. Давно же у меня не было женщины... Я отнял руки от чёрной короткой причёски и одной из них погладил незнакомку по голове. Освобождённая, она сделала несколько движений туда-сюда по ещё напряжённому стволу и затихла, оставив его во рту. Давненько мне не было так хорошо. Однако скоро я почувствовал, что мой дружок вдруг зачесался, ему стало некомфортно внутри. Я поднял её голову и сказал:

— Мне надо помыться. Хочешь, ты иди вперёд.

Она смотрела на меня, лёжа на боку, подперевшись рукой, снизу вверх. Помедлив, отрицательно покачала головой. Я осторожно отодвинул её и направился в свою «помоечную». Вернувшись освежённый, я сказал ей:

— Ванна свободна.

Она опять покачала головой из стороны в сторону.

— Надо помыться, — сказал я. Не люблю неопрятных женщин.

— Не хочу и не буду, — вдруг ответила она.

Я впервые слышал её голос. Он был обычным для женщины её возраста. Да и в общем-то нормальный русский язык с чуть заметным акцентом. А я почему-то ожидал, судя по виду, какого-то ломаного или иностранного возгласа. Ведь она вообще-то могла оказаться иностранкой, не понимающей наш язык. Такое тоже у меня случалось. Но тут... А что собственно удивительного? Я и сам не вполне русский, а говорю по-русски чисто. Так что в первый момент вообще-то меня удивило не отсутствие акцента, а сама суть ответа. Ишь, немытая гордячка...

Я промолчал. Но надо было что-то делать. Конечно, по-хорошему её бы, чумазку, выдворить из «квартиры», но после того, что между нами произошло, было как-то неудобно сразу её выставлять. Тут мне в голову пришла спасительная мысль, суть которой была, похоже, нужна больше мне, чем ей.

— Ты водку пьёшь? — спросил я.

Она, лёжа, кивнула.

— Ну, давай за знакомство, — я двинулся на «кухню», где у меня рядом с плитой был приткнут маленький холодильник. Вытащив початую бутылку водки, начатый кусок колбасы и хлеб, который тоже находился у меня в хранилище холода, я двинулся обратно. Азиаточка уже сидела на моей лежанке:

— У Вас полотенце есть?

Ни хрена себе, она ещё и на Вы обращается после минета. Я положил всё на маленький столик, который у меня служит для разных целей и, в частности, для принятия вот такого «узкого круга гостей», и молча достал с верхней самодельной полки большое полотенце. Маленького у меня сейчас не было, оно в куче других лежало приготовленное для стирки. Она влезла в свои чёрные туфли на высокой толстой подошве, где каблук выделялся ещё сантиметров на пять, и, взяв полотенце, прошествовала в мою помоечную-помывочную.

Я порезал и разложил по тарелкам, что были взяты с соседней деревянной полки, колбасу и хлеб. Оттуда же достал пару маленьких стаканчиков. Тут как раз подошла она и сразу села на

неразобранную постель. Я поднял столик и поставил его перед ней, а сам пододвинул табуретку и сел напротив. Стараясь не глядеть на неё, разлил водку по стаканчикам.

— А у Вас вилка и нож найдётся? — она в который раз меня озадачила.

— Чего тут вилкой есть? Колбасу можно руками брать. Разрешаю, — неуклюже пошутил я. — Ну-у, будем! — и немедленно выпил.

Акт второй. Он стоял...

Он стоял в проёме двери. Я это чувствовала по его взгляду. Наверное, он не ожидал меня увидеть. Я и сама не знаю, как это случилось. Когда я услышала, что он возвращается с лестничной клетки, я в каком-то отчаянии скинула туфли и сначала села на его постель, поджав под себя ноги, а потом, не знаю почему, мгновенно развернулась и легла, забросив их на стену, прикрытую ковриком, и закрыла глаза. Ноги действительно гудели, потому что пришлось стоять почти всё время, что мы, толпа, приехавшая вместе с ним с его выставки, провели в его мастерской.

Присесть было некуда. Его деревянную лежанку и пару стульев, вернее, самодельных табуреток, тут же оккупировали пожилые «ценители его таланта». Выпивали сидя и стоя вокруг маленького столика, заставленного разномастными бутылками, купленными по дороге к нему теми мужчинами, кто не жмотился. Закусывали такой же покупной снедью. Конечно, сразу пошли и разговоры, в которых я не принимала участия, но все почему-то налегали на алкоголь. Я тоже выпила пару «рюмок», которыми служили и пластиковые, и стеклянные, и даже керамические ёмкости небольшого размера.

Так как меня бил лёгкий мандраж, я не пригубила, как обычно, а выпила их сразу, махом, чего со мной давно не случалось. В одной «рюмке» было лёгкое креплёное вино, а в другой оказалась водка. Тут меня отпустило, и я стала внимательно наблюдать за Вадимом. Было видно, что он тоже устал, наверное, и от целого дня хлопот, и от шумных и не всегда умных гостей, уже час с лишним теребящих его. Я протолкнулась к своей подруге Татьяне, которая меня и затащила на его выставку, и прошептала:

— Видишь, как он устал. Ты можешь выпроводить гостей?

Бойкая Татьяна сразу сообразила, что я говорю это не просто так. Она прищурила глаза и промурлыкала:

— О-о, да он нам нравится! Ну ты даёшь, подруга... А почему бы и нет?

И сразу занялась делом. Поставленным зычным голосом тележурналиста она объявила, вдруг взяв на себя обязанности ведущей вечера-встречи, что хозяин всем благодарен за внимание, но не пора ли гостям и честь знать и собираться по домам. Вадим смотрел на неё удивлённо, но не возражал, видимо, действительно очень устал. Татьяна говорила убедительно, но с доброжелательным юморным подтекстом, и поэтому, похоже, никто не обиделся.

Мало того, она организовала присутствовавших женщин помыть посуду, собрать пустые бутылки и пластиковые одноразовые тарелки, и стаканчики в пакеты, чтобы выбросить всё это по дороге, и расставила вымытое по своим местам. Когда она успела рассмотреть, что где было? Вот что значит глаз журналиста! Народ стал собираться, а потом все сгрудились в проходе, прощаясь, а Вадим решил выйти проводить всех до лифта. Я пока ещё сама не знала, что мне делать: идти со всеми или незаметно остаться. Всё решилось как-то само собой.

Вадим в толпе вышел, а я стала рассматривать его картины, прислоненные к стенам и стоявшие на самодельном станке. Тут он демонстрировал разные полотна, но та картина с выставки, которая меня поразила и заставила поехать к нему домой после его призыва продолжить осмотр у него в мастерской, нигде не повторялась. Я знаю, что художники часто делают копии своих работ или выставляют эскизы, то есть наброски больших полотен. Но тут ничего похожего не было.

Когда я услышала, что он возвращается с лестничной клетки, я в каком-то отчаянии скинула туфли и сначала села на его постель, поджав под себя ноги, а потом, не знаю почему, мгновенно развернулась и легла, забросив их на стену, прикрытую ковриком, и закрыла глаза. Он стоял в проёме двери. Я это чувствовала по его взгляду. Наверное, он не ожидал меня увидеть. Но скоро справился с неожиданностью и, подошедши ко мне вплотную, вдруг почти

бросился на застеленную лежанку рядом со мной. Я замерла. И неожиданно почувствовала его руку на своём плече.

Я не смогла совладать с собой и прижала его ладонь. Он потащил её на себя, а я не могла отпустить его. И когда я почувствовала, что вот сейчас он оторвёт свою тёплую ладонь от моей груди, я сжала её крепче, и он успокоился, затих. А затем стал привставать, кружа ладонь по моей груди. Поняв, что он хочет всё-таки вырваться, я выкинула руки, наверное, думая обнять его, но наткнулась на его поясной ремень. Он опять замер, и тут волна благодарности к нему обдала меня, и я поняла, чего хочу.

Я хотела его. Любого. Как он хочет. Все мужчины любят, когда целуют им член. Я делаю это. Я уже расстегнула ремень и стала расстёгивать молнию, когда он схватил мои руки и прижал к моей груди. Мне стало больно. Не физически, а потому, что он не хочет меня. Я открыла глаза и посмотрела прямо на него. И тут он прошептал, что сейчас вернётся, только вымоется. Дурачок, мне сейчас всё равно, чистый он или не совсем. Но я успокоилась. Значит, всё будет так, как я хочу. Только бы он побыстрее вернулся ко мне. А всё-таки хорошо, что он заботится обо мне, вон моется, не хочет меня обидеть.

Я лежала успокоенная, с закрытыми глазами, когда он опять присел рядом. Моя рука легла ему на грудь. Какая у него кожа! Как приятно гладить его! Спускаясь всё ниже, я вдруг наткнулась на материю. Он даже не снял нижнее бельё! Стесняется что ли? Мне стало ещё приятнее. Я провела рукой по ткани и ощутила его напряжённый член. Он тоже хочет меня! Я гладила его и ощущала, каким огромным он становится, вырываясь из-под спуда материи. И мне стало невтерпёж.

Я резко перевернулась на живот и, оттянув ткань, схватила выпрыгнувший как чёрт из табакерки фаллос. И тут же обняла его ртом. Казалось, он заполнил его своей плотью весь. Какой же он... сладкий! И он уже дрожал, пульсировал. Я успела всего несколько раз втянуть его в себя, когда Вадим схватил мою голову и опустил на член до конца. Я чуть не задохнулась, казалось, он перекрыл мне горло, в которое изливалось его семя. Оно шло толчками, и было на вкус солоноватым, даже с горчинкой. Эта слизь наполнила мой рот, и я уже не знала, что делать. Ещё чуть-чуть и я задохнусь!

Но тут он обмяк и отпустил меня. Я с облегчением приподняла голову, втянула его семя двумя или тремя глотками, так много его было, и хотела поцеловать налитую головку всё ещё напряжённого члена, но не удержалась и ещё несколько раз втянула его в себя. Внизу у меня всё трепетало, кажется, я кончила сама, во всяком случае я ощущала, что я вся мокрая, и мне не хотелось выпускать этот уже смягчающий жезл изо рта. Я легла набок, щекой на его бедро, но он поднял мою голову и сказал, чтобы я шла мыться. С какой стати? Я ведь не пролила ни капли! Я ответила, что не буду.

Он ушёл, а я почувствовала, что у меня внизу всё такое мокрое, что надо менять трусики. И когда Вадим вернулся, я спросила у него полотенце и пошла мыться. Простирнув бельё, я приспособила его на газовый котёл и надела брюки на голое тело. Он уже соорудил выпивку и закуску на столике, который поднёс прямо ко мне. На тарелках слоилась толстыми кусками колбаса. Как есть такие куски руками? Это же неприлично! Я попросила вилку и нож, а он мне в ответ рассмеялся. Да бог с ними, с приличиями, когда-то можно и руками поесть. Я вдруг ощутила дикий голод, ведь я пила почти не закусывая.

А он выпил подряд три «рюмки», наполняя раз за разом свой небольшой стаканчик, и только потом стал закусывать хлебом и колбасой. Как он ел! Откусывал большими зубами от каждого ломтя и мощно жевал, будто при этом перекачивая во рту, свои продукты. Я засмотрелась на него, а он подмигнул мне и спросил:

— А ты чего не жуёшь? Жуй-жуй, глотай! — и засмеялся.

Я что-то положила в рот и, не удержавшись, погладила его по бедру. Он схватил мою руку и перетянул меня к себе на колени. Как хорошо было уткнуться в его шею! А он вдруг

подхватил меня на руки и почти бросил на кровать. И навалился сверху, а потом будто сполз набок, глядя мне в глаза. Его рука жадно шарила, нащупывая застёжку молнии на моих брюках, а найдя её, резко рванула, раскрывая донизу ширинку. Тут он, глянув вниз, увидел не белую ткань моих трусиков, а треугольник чёрной густой поросли. Мне стало стыдно. Ведь ещё недавно я следила за собой и делала шугаринг — интимную стрижку волос на лобке. Да, тогда было для кого...

Но Вадима это зрелище только раззадорило. Он хмыкнул и зарылся пальцами в эту курчавость. А потом скользнул ниже, проведя по моим половым губкам. У меня сразу выделилась смазка, и я потеряла ощущение времени, оно остановилось. Как же это было хорошо! А главное — становилось всё лучше и лучше, хотя, казалось бы, лучше уже некуда. Другой рукой он расстегнул мне блузку, и завёл ладонь под чашечку бюстгалтера. Двумя пальцами он нащупал сосок и, зажав его, стал как бы растирать лёгкими движениями. Я чуть не потеряла сознание. Я даже не представляла, что такое блаженство возможно.

Но оказалось, что это ещё не предел. Он обхватил грудь ладонью и вытянул её из-под чашечки лифчика. Сосок уже стоял, и он сначала лизнул его, а потом стал водить кончиком языка вокруг моего сладкого пупырышка, и вдруг втянул его в рот и стал жевать гибкими губами. Я была на грани обморока. Мне хотелось сделать ему так же сладко, как он делал мне. Я судорожно нащупала молнию на его брюках, расстегнула ширинку и зарылась рукой под ткань его трусов. Его достоинство уже было во всеоружии, но ещё не достигло того напряжения, когда мужчина перестаёт соображать, что делает. Я гладила его напружиненные яички, думая, как достать всё это хозяйство ртом.

И тут вдруг он поднялся так, что я не могла достать рукой его пушку, и быстро стянул свои брюки вместе с трусами. Его огромный член стоял перпендикулярно к его телу, и я уже потянулась к нему, предвкушая его сладкую огромность у себя во рту, но Вадим оттолкнул меня обратно на лежанку и, взявшись за брючины, стащил с меня мою одежду. И тут же повернул меня к себе спиной, а потом развернул вдоль кровати и пристроился сзади. «Направь!» — прохрипел он, и я, прижавшись лицом к лежанке, достала до его боевого дружка и ввела головку в своё влагище. А он с такой силой вбил его вглубь, что у меня в первое мгновение потемнело в глазах. Ах...

Он держал меня за талию и ритмично и мощно вбивал свой инструмент в моё лоно, которое всё благодарнее и благодарнее принимало его, хотя и не успевало свыкнуться с этой мощью. Наверное, поэтому и я не успела за ним, и он излился в меня опять таким густым потоком, что я, не выдержав двойного напора, упала лицом в подушки, а Вадим обессиленно навалился на меня сверху. Не знаю, сколько мы пролежали так. Но в конце концов он снова первым встал и ушёл мыться. А у меня не было сил двинуть ни рукой, ни ногой. Такого у меня, кажется, не было вообще никогда. Даже в молодые годы с ещё любимым мужем.

Когда Вадим вернулся, я всё же заставила себя подняться и, прихватив полотенце, доковыляла до кухонно-ванной комнаты. Какая же здесь грязь! Надо будет прибраться как-нибудь. Только не сегодня. Сегодня я не в силах делать ничего. Кое-как приведя себя в порядок, я отправилась в обратный путь. Интересно, а дверь тут закрывается на какую-нибудь внутреннюю защёлку? Вдруг войдут его соседи по мастерской, о которых он рассказывал, когда мы толпой ввалились в его владения. А я тут расхаживаю практически голая, вернее, ни голая, ни одетая, потому как замотанная полотенцем...

Я вошла в комнату, когда её неожиданно затопило своим светом заходящее солнце. В его лучах бросалась в глаза пыль по углам и подоконнику и скатывающиеся в комки сгустки пыльной паутины. Да, тут убираться и убираться. Интересно, а он сам-то в своей мастерской прибирается или у него для этого есть другие работающие женщины? Вадим поднял почти пустую бутылку водки и внимательно поглядел на неё на просвет. Потом потряс ёмкость. Затем

почему-то кивнул и, не предложив мне, вылил остатки в свой стаканчик — и немедленно выпил.

Акт третий. Всё начиналось с чепухи...

Всё начиналось с чепухи. Татьяна, её землячка, позвала Гагу на выставку какого-то художника, который, как она говорила, здорово писал исторические портреты. А особенно ему удался Чингисхан, которого все народы, населяющие Россию меж двух великих озёр — от самого глубокого в мире Байкала до самого большого на планете Каспия — считают своим прародителем. И при этом Танюшка щебетала, что у него, у этого малевателя картин, завоеватель мира вообще ни на кого не похож.

Гаге это было не особенно интересно, но так как она поссорилась с сёстрами, вместе с которыми снимала квартиру в Москве, и сидеть дома в выходной день, глядя на надутые физиономии своих родственниц, не хотелось, она согласилась. Вот чего им, трём младшим сёстрам, надо? Гага и продукты купила, и замариновала мясо, осталось только в духовку поставить, а ей хотелось посмотреть свою любимую юмористическую передачу по телику, и только она крикнула средней — Айше, чтобы та занялась кониной, как на неё окрысились все три сразу.

И командует она ими, как захочет, и у них своя жизнь, и они все сами зарабатывают, нечего им указывать, и понеслось, и поехало. А ведь она как старшая практически обеспечивает их, устраивает им жизнь, старается каждую как-то пристроить. Правда, у всех у них хорошие работы, но замуж-то ни одна не вышла пока. Вот она им и объясняет, так как разница в возрасте у них с ней большая, а соответственно и опыт, как себя вести, как надо готовить, с кем общаться, а кого игнорировать. Да она их практически воспитывала с малых лет, когда мамы не стало. А в ответ на тебе! Гага плюнула на готовку и ушла в свою комнату. Такая неблагодарность! Это, собственно, из-за них и она не может найти своего мужчину. Когда тут! И вдруг позвонила Танюшка с этим художником.

Легко устраивать чужое счастье, особенно когда своего нет, думаю я. Впрочем, пора представиться. Я автор этого опуса. Прошу обратить внимание, что настоящий автор, имя которого значится на обложке, и автор-персонаж, от лица которого ведётся повествование, то есть я, совершенно разные люди, абсолютно не знакомые друг с другом. Ну, может, чуть-чуть. Я в отличие от него знаю о своих подопечных всё, а он только записывает, что я надиктовываю. Вообще-то нашу героиню зовут Гага Санджиевна Балтагоева, и она не абы кто, а сотрудник пресс-службы Министерства природных ресурсов. И работа эта ответственная и сложная.

А вот художника зовут Каракоров Вадим Ахметович. Я понимаю, что необычно уже это имя, в смысле ФИО, не говоря ещё о том, что с таким именем редко кто становится художником. Но исключения, как видите, случаются. Впрочем, вся эта история — сплошное исключение. Однако об этом лучше судить вам. Чтоб не растекаться текстом по древу, начнём, благословясь! Было это... а какая, собственно, разница? В тот ранний весенний вечер в его мастерской собралась нередкая теперь тусовка. Не то чтобы он любил потусоваться, да ещё в своей собственной мастерской, просто надо как-то привлекать потенциальных покупателей картин. Бывает, что случаются в таких компаниях и полезные знакомства.

Ну, Каракоров в этом деле не мастак. Он так покорячится-покорячится, поназовёт-поназовёт людей да потом, лицезревая всю эту бесполезную и отнимающую предназначенное для работы время мутотень, плюнет, и пошлёт это дело к какой-нибудь далёкой матери. Не умеет он ни нужные знакомства заводить, ни, даже уже познакомившись с каким-нибудь редким начальствующим почитателем его таланта, сохранять эти отношения. Так что высоким вниманием он не обласкан, и хоть и не груб по натуре, привык высказываться незамысловато напрямую, зная, что, говори он с ними даже с низкопоклонско согнутой спиной, будет ему от этого противно, а главное — толку всё равно никакого. Видно, Богом не дано. В отличие от богоданного таланта.

Тут он сам себе режиссёр. Он рисует сновидения. Вернее сказать — пишет. Впервые он услышал об осознанных сновидениях давным-давно в какой-то компании, где наливали и

спорили почти безостановочно. Это была не его тусовка, а его друга-товарища Сергея. Тот его туда затащил, потому что сам недавно с ними познакомился, и они ему показались такими продвинутыми и отвязными, что он решил привести к ним и угостить-удивить ими непробиваемого Вадима. Там каких только теорий и практик не услышишь! Вот и была, оказалось, такая практика как осознанные сновидения. Вадим сначала не принял этого всерьёз.

Но вернувшись в тот день домой и провалившись в хмельное забытье, он увидел сон, который его удивил такой сочностью и правдоподобностью, я бы даже сказал — правдоподобностью, что ему нестерпимо захотелось увидеть его продолжение. Тут-то Вадим и вспомнил об осознанных сновидениях, то есть возможности, по сути, заказывать себе сон по своему желанию. И он начал узнавать, как этого добиться. Интернет тогда только входил в обиход и обо всяких поисковиках и википедиях люди ещё не знали. Ему пришлось вновь напроститься в эту компанию и там целенаправленно расспрашивать своих коллег по делу принятия на грудь спиртного.

Теперь он не налегал на горячительное, а старательно заносил в свой блокнотик все пьяные обсуждения данной проблемы, стараясь отделить, как говорится, зёрна от плевел. В общем в конце концов у него всё сложилось в более или менее стройную систему. Дома он тут же попытался её перевести в реальную плоскость. Но ничего не получилось. Он же тогда не знал, что первые требования при вхождении в контролируемое сновидение это трезвость и лёгкость восприятия. То есть если ты за день намотался так, что с ног валишься, то и вались на кровать, усни, отдохни, а когда проснёшься среди ночи, тогда и начинай своё священнодействие. Если, конечно, голова легка.

Короче, ничего у него не получилось, и Вадим забросил свои эксперименты. Но через несколько дней снова увидел тот же самый сон, один в один, словно кто-то свыше давал ему понять, что он оставил дело незаконченным. Тогда он стал искать сведущих в этой практике людей, а не слушать нетрезвых всезнаек. И нашёл. А помог ему в этом всё тот же Серёга, который, прознав о его бесперспективных поисках, привёл его к своему соседу, что оказался каким-то профессором какого-то института, где исследовали как раз феномен сна и всякие его возможности. Учёный сосед стал рассказывать о подсознании человека и ещё о каких-то туманных материях, но напоследок объяснил и всю последовательность действий при вхождении в осознанное сновидение.

Теперь Вадим уже знал, что к этому делу надо основательно подготовиться на трезвую голову. Профессор сказал, что необходимо будет вести дневник сновидений, то есть подробно записывать все детали увиденного, чтобы потом всё это анализировать и составлять план действий на следующую ночь, вернее, на следующий сон. То есть планировать продолжение того, что он увидел, чего он собственно и хотел. Хотя можно было и не оглядываться на увиденное, а просто заказать себе какое-то новое ощущение, например, полёт над горами и долами. Но главное, что надо было освоить, это умение распознавать — реальность то, что ты видишь, или сон. Потому что только когда ты понимаешь во сне, что спишь, только тогда ты сможешь изменить параметры окружающей тебя действительности.

Вадим лёг на спину на своей лежанке и закрыл глаза. Теперь надо было расслабиться так, чтобы каждая мышца как бы растворилась в тебе и совсем не ощущалась. И тут очень важный момент: как только ты почувствуешь, что проваливаешься в сонную дремоту, нужно подключить контроль сознания. Это приходит только с практикой. На этом моменте можно безуспешно тренироваться не один день, но в конце концов ты научишься ловить этот миг. И тогда контроль над сновидением обеспечен. Делай что хочешь! Вадим вздрогнул: молодой монгол из племени меркитов неторопливо ехал, изредка похлопывая по бокам свою молодую лошадь вожжей, сидя рядом с восточной красавицей на лёгкой повозке.

Художник понял — это продолжение его первого сна, в котором эти двое — меркит Чиледу и красавица Оэлун из монгольского племени олхонут, — начали приготовления к сва-

дье. Они уже давно были близки как брат и сестра. Со времён «яичной помолвки», когда родители из обоих родов выбрали этих детей для женитьбы друг на друге, они подолгу жили то в одном семействе, то в другом. И в детстве проводили время, играя, чтобы, как считали их родители, привыкнуть друг к другу и познать характер друг друга. Вадим откуда-то знал, что их родители не просто наобум выбрали их, а только после того, как исследовали несколько предыдущих поколений в каждом роду. Ведь семью должны были составлять обязательно выходцы из разных кланов, чтобы не допустить кровосмешения.

И вот, когда молодые вошли в пору тогдашнего совершеннолетия, настало время свадьбы. Сват со стороны жениха с подарками, а это были кони для отца невесты и драгоценности для её матери, был принят родителями Оэлун, которые стали готовить девушке свадебный наряд и новую домашнюю утварь. Семейство Чиледу поставило юрту для молодых, а жених поехал вместе со сватами-свидетелями совершить обряд поклонения родителям невесты, и мать её одела практически уже своего зятя в новые одежды и пожелала ему здоровья, а отец преподнёс ему символическую стрелу счастья. В это время подруги Оэлун наряжали её: надели приготовленное платье и суйх — украшение, считающееся знаком невесты, и всякие другие драгоценности. Но в эту ночь невеста должна была ещё оставаться в родительском доме.

А скоро Чиледу приехал уже со сватами, родственниками и друзьями, спешившись у юрты невесты Оэлун. И её мать велела дочери преподнести жениху и гостям угощение в честь проводов. Все прошли внутрь жилища. Угощение было наготовлено с вечера. Родственники жениха расположились слева от входа, а невесты — справа. Несмотря на ранний час, свадебная трапеза была обильна и очень питательна. Пили кумыс, ели зелень и сладости, а после этого подали ещё и горячий суп. Наконец из юрты вышли все, кроме Чиледу и Оэлун и некоторых из их друзей. Друзья надели на неё церемониальную накидку и, выведя из юрты, помогли ей сесть на повозку, и они все вместе три раза объехали покидаемую юрту родителей.

Уезжали гости с почти уже женой Чиледу огромной толпой, включавшей новых родственников. Обычно навстречу свадебному кортежу выезжает посланник от родственников жениха, чтобы приветствовать невесту, а молодёжь в это время устраивает по пути разные соревнования в силе и ловкости, а то и просто дурачится. Оэлун, покачиваясь в такт ходьбе лошади, представляла себе, что произойдёт дальше. Ведь она уже знала, что будет с ней, из рассказов подруг. По прибытии её отведут в специальную юрту, где разделят волосы на прямой пробор, сделав две пряди, и скрепят их серебряными пластинами с инкрустацией из драгоценных камней. Это должно придать волосам форму, которая считается причёской замужней женщины — форму крыльев мифической птицы Ханга-руды. Затем невесту проводят к бурхану и юрте свёкра.

В юрте родителей жениха она должна поклониться огню очага и свёкру со свекровью. А у бурхана, большой горы камней, которая считается местом поклонения местным богам, оставить какую-нибудь драгоценность и пролить молоко, чтобы задобрить духов, поделившись с ними своими дарами. И только после всего этого все направляются к новой юрте, в которой жених разводит огонь, а невеста готовит первый чай. Этот чай ни в коем случае нельзя пересолить. Именно этот процесс — приготовление первого чая — делает невесту уже не девушкой, а женой. А жених становится мужем лишь после того, как нарежет мясо, конину или баранину, правильными ломтями. И тут начинается пиршество. Однако невеста во время пира сидит за пологом. Будет на свадьбе много пожеланий, будут песни и обрядовые славословия, а затем мать невесты, дав наставление дочери, уйдёт. Её проводит зять.

Именно в его юрте Оэлун должна будет на следующий день рано утром открыть дымовое отверстие, а потом приготовить завтрак для мужа уже в своём жилище. А через три дня приедет её отец, чтобы убрать полог у них в юрте. Так он снимет запрет, по которому невеста не имеет права показываться на людях. А спустя ещё месяц она вернётся к своим родителям, чтобы окончательно проститься. После этого она с Чиледу должна откочевать на новое

место, чтобы начать самостоятельную жизнь. Вот так должны были сложиться её ближайшие дни и месяцы. Но вышло всё иначе. Произошли такие события, в результате которых молодой Чиледу прискакал на взмыленной лошади в своё стойбище и, бросившись в отцовскую юрту, схватил ковш, нервно зачерпнул воды — и немедленно выпил.

Акт четвёртый. Лица...

Лица окружающих были встревожены, они не понимали, что происходит. А Чиледу, отдышавшись, рассказал, что заставило его, бросив невесту, примчаться к домашнему очагу. «Собирайтесь быстрее, — молил он, — мы отобьём её». Отец и ближайшие родственники сидели вокруг очага, они собрались, чтобы обсудить ближайшие дни свадьбы, но теперь были сбиты с толку. «Почему ты бросил её? — спросил отец. — Ведь он был один?» И Чиледу стал объяснять родственникам, как всё происходило. Он ехал вместе с Оэлун в то время, как вся молодёжь бросилась в очередную игру — стихийно возникшие скачки. И шумная толпа, если можно так сказать об огромном количестве юных всадников на конях, унеслась за ближайшие барханы.

Пожилые сопровождающие, смеясь, стали обсуждать порыв молодых наездников. Казалось, ещё недавно они сами были такими же горячими. Теперь молодёжь было не догнать, ведь монголы соревнуются не на время, а на выдержку. Тем более, что на свадьбу каждый выбрал лучшую лошадь, а уж в седле они могут держаться как никто: монгола сажают на коня, когда он ещё не умеет ходить, а к шести годам он уже участвует в скачках. Пожилые даже спешили, решив немного отдохнуть и справить малую нужду не на виду у молодых. Новоиспечённые молодожёны, уже подуставшие в пути, одни неспешно двигались к своей новой жизни.

Вдруг навстречу им показался всадник. Они оба узнали его. Это был Есугэй-багатур из племени тайджиутов. Их становище было совсем недалеко от того места, которое они сейчас проезжали. Тщедушный Чиледу всегда завидовал исполинской стати этого лихого парня, а Оэлун давно втихомолку заглядывалась на воина-красавца из соседнего племени. Ведь Чиледу она давно воспринимала как брата и не более. Конечно, он был её суженым, но сердцу не прикажешь. Есугэй поравнялся с ними и поклонился в седле, молча поздравляя вновь созданную супружескую пару. Оэлун исподлобья игриво стрельнула своими прозрачно-чёрными, как вызревшая слива, глазами на богатыря, и в его взгляде зажёгся ответный плотоядный огонёк, ведь и он давно уже отметил про себя эту красавицу.

От внимания Чиледу это не ускользнуло. Он схватил поводья и сердито дёрнул их, понукая остановившуюся лошадь. Уже почти миновавший их Есугэй придержал своего коня и покачал головой. Ему не понравилась выходка молодого мужа. Тем более что девушка капризно скривила губки, показывая, что она совсем не в восторге от подчинённой роли по отношению к этому дохляку. Однако пара уже проехала дальше, и багатур тронул своего рысака. Но чем дальше он двигался к своему становищу, тем более его охватывала неужённая мысль. Она явно не хочет быть женой этого представителя соседского племени. Эта женщина должна принадлежать ему. Ведь случаи умыкания невест происходят сплошь и рядом, почему нет?

Когда показались юрты его рода, он уже знал, что будет сейчас делать. Он хлестнул коня, подскакал и крикнул своим многочисленным братьям, чтобы они следовали за ним. Уже на обратном пути Есугэй быстро и шутливо объяснил им цель их скоростного выезда. Братья восприняли это как очередную игру известного своим лёгким отношением к быстрым решениям родственника. А Чиледу в это время делал выговор своей жене за её лёгкое поведение. Оэлун молчала, строптиво наклонив голову. Вдруг она подняла глаза и спокойно посмотрела на мужа.

— Ты слышишь? Это он! Нам не скрыться. — И Чиледу побледнел. Слышался недалёкий стук копыт быстрой погони. Он сразу понял, что это Есугэй. А Оэлун всё так же спокойно продолжила:

— Спасайся — или они убьют тебя. Ему нужна я, а не ты. А девушек в степи много. Ты найдешь новую жену и назовёшь её моим именем. И будешь думать, что я всегда с тобой.

Чиледу не был трусом, но по догоняющему стуку копыт было понятно, что с Есугэем много всадников, а он оказался один. Он ничего не сможет сделать. Он мгновенно выпряг лошадь, и через несколько секунд скрылся за холмом. Как раз в это время с другой стороны, из-за степного бархана, вылетела вереница всадников во главе с багатуром. Чиледу, повалив лошадь на землю, помертвевшим взглядом наблюдал из своего укрытия, как они окружили одинокую девушку, как Есугэй что-то говорил ей, а она кивала, а потом все вместе, впрягши в повозку есугеева коня, мирно поехали в сторону становища тайджиутов. Лютая злоба закипала в сердце отвергнутого мужа. Вскоре он уже был в родном селении и молил отца и всех родственников отбить свою жену и отомстить тайджиутам.

Однако отец и его окружение молчали. Они понимали, что воевать с тайджиутами им не под силу. Слишком их много и слишком они сильны. Чиледу пришлось смириться с таким позорным окончанием своей свадьбы. Зато у Оэлун всё сложилось так, как она никак не могла представить в своих предсвадебных хлопотах. Она стала женой давно и безответно ею желаемого Есугэя, а вскоре родила первенца — мальчика. Новорождённый младенец в кулачке сжимал сгусток крови. Старейшины качали головами — малыш станет жестоким и кровожадным воином! Есугэя в это время дома не было. Он как раз возвращался из похода на татар, где пленил уважаемого им знаменитого татарского богатыря Тэмучжина. И узнав о родившемся младенце, Есугэй назвал его в честь своей победы Тэмучжином.

Тэмучжин!.. Откуда у меня в голове это имя? Ах да! Это отголосок сна. Вернее, моих предыдущих сновидений. За окном темно, в комнате полумрак, горит только торшер в дальнем углу. А это что за красавица и чудовище в одном лице прикорнула на моей лежанке? Ну да, это же восточная чаровница, которая умеет и возбудить, и удовлетворить. Я погладил её по голове, и она чмокнула во сне в ответ. Как же я её не выставил? Да что тут гадать, я, видать, как обычно догнался и свалился спать, а она пристроилась рядом. Так, глядишь, и приживётся!.. Тьфу, тьфу, тьфу, не сглазить бы... Хватит пить! Работы немеряно. Хотя с такой головой, конечно, лучше не начинать серьёзную вещь. А вот с чего можно и даже нужно начать, так это с подготовки холстов и красок. Меня этот процесс всегда приводит в рабочее состояние.

Это сейчас молодые любят покупать всё готовое — от красок до холста, а во времена моего ученичества мастера нас учили по полной программе. Ты должен был уметь и холст натянуть, и краски своими руками приготовить. Краски это вообще большое дело. Во-первых, ты со временем выходишь на свою палитру и соответственно готовишь только «свою» краску. Находишь для неё разные методы готовки, которые придают ей особенные нюансы и помогают тебе выразить на холсте свою задумку. Другими словами, обретаешь свои секреты. Ну и конечно — холст! Тут тоже секретов и нюансов через край! Но начинают, вернее, начинали тогда все одинаково, всё проходили «вручную».

Я помню — первый холст у меня после просушки провис, а второй наоборот натянулся, как струна, до звона. Вообще же, если начинать, как говорится, с нуля, то надо выбирать материал плотный, без узелков и других дефектов. После того, каккрепишь его на подрамнике, желательно слегка смочить холст, но так, чтобы вода не просочилась на другую сторону материала. Тогда волокна ткани немного расширятся, и клей, который ты будешь наносить потом, тоже не протечёт на задник. А ещё лучше предварительно, перед грунтовкой холста и увлажнением, если на нём есть хоть какие-то неровности, немного отшлифовать его, например, с помощью пемзы или мелкой наждачной бумаги. И только после всей этой подготовки наносить клей.

Тут тоже своя технология. Первый слой должен быть из достаточно жидкого клеевого раствора комнатной температуры. Главное — не давить на материал, чтобы жидкость не протекала на изнаночную сторону. Не нужно делать несколько мазков кистью на одном месте, надо покрыть холст клеем быстро и равномерно. Как правило, это не даётся сразу. Хотя есть ребята, у которых рука, как говорится, поставлена богом. Всегда есть люди, которые в твоей профес-

сии тебя удивляют и восхищают. И хорошо, если ещё обходится без зависти с твоей стороны. Почему бог всем выдаёт что таланта, что здоровья, что удачи по-разному, если все люди для него одинаково ценны?

И откуда тогда, кстати, берутся уроды с рождения и калеки после несчастных случаев, инвалиды в результате врачебных ошибок и мутанты из кунсткамер? Это тоже божье порождение? Или бог не всё контролирует? Как говорится, здесь помню, здесь не помню? Тьфу, что-то меня понесло не в ту степь. В общем грунтовку наносят в несколько слоёв, дав каждому просохнуть. Тут, правда, тоже каждый изошряется кто во что горазд. Если клей жидкий, то его наносят жёсткой и широкой малярной кистью или вообще щёткой, а студенистый раскатывают кто мастихином, кто линейкой, кто, представьте, ножом. А для разравнивания, чтобы выдавить лишний, используют, как правило, резиновый шпатель, каким пользуются маляры-штукатуры.

Теперь просушка. Клей между нанесением сохнет где-то часов двенадцать при комнатной температуре, а вообще грунты надо сушить несколько суток, причём нельзя выносить полотно на солнце или ставить у батареи, или наоборот на сквозняке. Кстати, есть такие составы грунтовок, содержащие масла, на которые уходит для просушки и по полгода, а то и по году. Грунтовок каких только нет. Теперь в магазинах для художников можно купить просто универсальное покрытие, которое годно для работы и с маслом, и с акрилом, и почти с чем угодно. Оно, конечно, по-своему хорошо: в него входят предотвращающие загнивание полотна вещества и пластификаторы, которые придают поверхности холста эластичность.

И всё же я предпочитаю работать по старинке, готовить вручную и холсты, и краски. Собственно, сейчас я этим и занялся. А что ещё делать в темноте. Яркий свет включать не хотелось, чтобы не разбудить женщину востока. Ладно уж, пусть спит, куда её сейчас выпроваживать. Я подтянул столик к торшеру и занялся священнодействием. Любая живописная краска состоит из двух веществ — красящего и связующего. Если красящее придаёт, понятно, цвет, то связующее объединяет всё в единую массу, но при нанесении на холст испаряется. Смешиваем всё в любой приличной ёмкости. Она должна быть стеклянной или керамической. Нельзя ни в коем случае брать металлическую — она может вступить в химическую реакцию с пигментом.

Я нашёл на своей полке подходящую низкую широкогорлую керамическую посудину, открыл окно и одел медицинские резиновые перчатки. Пигменты, они же красящие вещества, бывают токсичными, надо соблюдать меры безопасности. Поставил рядом бутылочку льняного масла (я привык работать с ним), положил стеклянный пестик для растирания и пустые тубики для краски, купленные заранее в магазине. По-хорошему, надо бы надеть ещё и респиратор, но я у растворённого окна, так что сойдёт и так. Итак, всё готово. Начнём. Пигмент, не буду говорить какой, я купил вместе с тубиками в магазине. Его можно найти только там. Я насыпал его горкой в посудину и сделал в ней углубление.

В эту ямку я влил немного масла и начал растирать пигмент до однородной массы. Это очень сложный момент: пигментная краска должна быть вся пропитана маслом, но при этом самого масла должно быть как можно меньше, иначе высохшая на холсте краска пожелтеет и потрескается. В молодости мне приходилось подрабатывать разнорабочим на строительстве кирпичных домов, так вот там технология та же. Сколько я тогда перемешал раствора! Воды в смесь песка и цемента надо было добавлять по чуть-чуть, чтобы много раз перелопаченный раствор получился тягучим, эластичным. Наш мастер показывал мне большой палец — у меня раствор получался как ни у кого.

Чёрт, я аж вздрогнул! Кто-то схватил меня за пояс и за грудь! Да это же азиаточка. И не схватила, а обняла. Руки у меня были в перчатках и испачканы пигментом. Я не стал её трогать. А она опять быстрым движением растегнула ремень и скользнула маленькой ручкой ко мне в пах. И мой дружок сразу отозвался лёгким томлением. На этот раз всё происходило мгновенно. Она как бы обвилась вокруг меня и оказалась на коленях и с ещё не «проснувшимся» членом во рту. Но он отозвался на такой манёвр почти сразу. Я стоял с поднятыми руками в перчатках,

как хирург, а моё тело, вернее — его средняя часть, выписывало сексуальные коленца. А она ещё беспрестанно поглаживала яички, начиная от промежности и по ним. От такого напора и новизны происходящего я не выдержал долго и излился быстрым семенем.

Она подержала спускающийся, как воздушный шарик, член ещё немного во рту и подняла на меня снизу глаза. Я сорвал перчатки и одним движением поднял её. Какая сладкая сучка! Ну что с ней делать? И поцеловать её хотелось, и ударить! Не знаю почему. Я отодвинул её к своей лежанке и прошёл на кухню. Быстро сполоснув своё хозяйство, хотя член после минета и так был чистым, я повернулся к холодильнику и открыл дверцу. На её полочке у меня хранились куриные яйца. Они часто бывают мне нужны для добавления в краски. Я достал одно из них, стукнул о край дверцы, скovyрнул верх скорлупы, взболтал — и немедленно выпил.

Акт пятый. Её овал сиял...

Её овал сиял отражённым светом на фоне тёмно-синего небосвода — луна пошла на убыль. От чётких краёв ночного светила сияние исходило во все стороны, будто раздуваемая небесным ветром бахрома мерцающего света. Тэмучжин даже залюбовался на миг небесным явлением. Но Джамуха, его друг ещё с детских игр, а теперь его соратник, имеющий под своим началом крупный отряд кочевников, толкнул его в плечо. За гребнем бархана показались юрты меркитского становища. Джамуха дал знак Торгулу, ещё одному смелому воину-предводителю, который тоже привёл своих бойцов на помощь Тэмучжину. Джамуха и Торгул разъехались в стороны, чтобы ворваться в становище, как было оговорено заранее, с флангов. А Тэмучжин, сжав плетё одной рукой, другой привычно проверил меч на поясе и лук с колчаном со стрелами за плечом.

Он нервно ждал, когда с флангов хлынет конница его друзей-воинов. Но вдруг дёрнул поводья и понёсся прямо к юртам меркитов. Его отряд не сразу двинулся вслед за ним, ведь он ничего не сказал. Однако воины быстро сообразили, что времени терять нельзя, и тронули своих коней вслед за предводителем. Он нёсся в рассеянной темноте, а всадники, нахлёстывая своих скакунов, ждали его атакующего клича. И вдруг в ночной тьме раздался его отчаянный, почти жалобный крик: «Бортэ! Я здесь! Бортэ!» И тогда лавина его воинов разразилась утробным звериным воем. Его подхватили всадники, несущиеся с флангов. Из юрт стали выскакивать меркиты с перепуганными лицами.

Вдруг лёгкая тень метнулась к одиноко несущемуся впереди всех всаднику. Это была та, кого он звал. Тэмучжин подхватил Бортэ на бегу и взвалил на круп коня. Теперь его ничто не сдерживало. Он рубил коротким мечом направо и налево, не разбирая кто перед ним — вооружённый мужчина, женщина, ребёнок или старик. Также поступали и его воины. Вскоре всё было кончено. Кого нашли сжавшимися в комок в юртах, выволокли в поле и стали рубить с тем же ожесточением. И только молодых девушек, срывая одежды, сначала насиловали, не разбирая телесных отверстий, а потом добивали, полоснув по горлу кривым ножом. Тела несчастных ещё какое-то время беззвучно сучили ногами и дёргали руками, прежде чем испустить дух.

На следующее утро Тэмучжин сидел в своей юрте, посматривая на хлопочущую Бортэ. Они прискакали уже на рассвете, и он сразу, как только они вошли в юрту, привлёк её к себе. Однако она, не поднимая глаз, быстро произнесла: «Я ношу в себе ребёнка». Замеревший Тэмучжин ничего не сказал в ответ, но руки от неё отнял. От меня или от меркита, думал он. Ведь прошло несколько месяцев со времени её пленения. Теперь он сидел и глядел на неё. Ему вспоминалось, как всё начиналось у них с Бортэ. Сначала она приглянулась отцу его, Есугэю-багатуру, с которым они однажды оказались, подыскивая невесту одиннадцатилетнему Тэмучжину, в племени хонкеритов.

Тринадцатилетняя живая, безостановочно хлопочущая девочка так понравилась отцу, что он сразу решил по традиции оставить сына в стойбище хонкеритов, чтобы тот поближе познакомился с будущей женой. Впрочем, в этом племени Есугэй с сыном оказались не случайно. В их родах давно установился обычай брать невест из одного и того же племени. И мужчины из этих родов называли друг друга сватами, невзирая на то, что сватами они ещё фактически не были. Вот и отец Бортэ, Дай-сэчен, назвал так Есугэя, когда гость с сыном только переступили порог его жилища, хотя о сватовстве речи ещё не было. Но в этот раз брак детей показался самым лучшим вариантом и для отцов, и для самих малолетних жениха и невесты, во всяком случае Тэмучжину Бортэ казалась старшей сестрой.

Два отца хорошо отметили сватовство, так что наутро Есугэй поехал домой со слегка больной головой и похмельной сухостью во рту. Да ещё летний день оказался очень жарким, багатуру нестерпимо хотелось пить. Он проезжал мимо становища татар, которых некогда раз-

бил и разогнал, а также пленил их вождя Тэмучжина. В другое время он объехал бы их стороной, но жажда погнала его к бывшим недругам. По закону гостеприимства они не могли отказать ему в питье. И они действительно не отказали. Но и того, что Есугэй сделал когда-то с их племенем, они тоже не забыли. А потому дали ему не простое питье, а с отравой. Багатур сразу этого не почувствовал. Только подъезжая к дому, он, уже изнемогая от болей в животе, понял, что его отравили.

Родные бросились отпаивать Есугэя, рассказавшего им о татарах, молоком и настоем трав, но на следующий день стало понятно, что его не спасти. И он понял, что жить ему осталось недолго. Багатур приказал верному человеку из своей дружины скакать к хонкеритам и привезти юного Тэмучжина. Но его наследник уже не застал отца в живых. Спешно вернувшийся Тэмучжин оказался в одиннадцать лет неожиданно для себя главой семьи. Но и о своей новой семье он не забыл. Как не забыл о данном его отцу обещании Дай-сэчен, отец невесты. Бортэ стала женой Тэмучжина. Вместе с ней он пережил многое — нищету, плен, скитания по степи с вечно голодными, такими же, как и он, бродягами.

Тэмучжин сколотил банду верных и отчаянных друзей-соратников, с которыми ему теперь приходилось грабить и убивать, чтобы содержать свои семьи и племя, и они однозначно признавали его своим вождём, видя его ум, бесстрашие, дерзость и жестокость к противнику. Правда, шайка его была малочисленна и брала скорее напором и неожиданными безжалостными набегам, чем военным опытом своего лидера, и всё же его сверстники подчинялись ему беспрекословно. Однако отсутствие воинской умудрённости подвело соратников. Они не ночевали все вместе, разбивая общее становище, а разъезжались на ночь по своим привычным местам, где их дожидались семьи. Эта привычка оказалась для Тэмучжина роковой.

Те самые меркиты, которых когда-то опозорил Есугэй, украв законную жену одного из них, теперь, после его смерти, решили отомстить его племени за нанесённое им оскорбление. В эту ночь никого, кроме братьев, рядом с Тэмучжином не оказалось. Под утро старая рабыня его семьи, которая была предана ему как родная, вышла набрать воды и услышала отдалённый топот множества копыт. Ранним утром так скачут не гости, а только недруги, задумавшие недоброе. «Тэмучжин! — крикнула она, всё поняв. — Проснись! На нас нападают!» Спросонья юноша, не оценив ситуации, был мгновенно охвачен паникой и бросился к лошади. Крикнув братьям, чтобы скакали за ним, он понёсся первым, бросив и свою жену, и детей племени, и общее нажитое-награбленное добро.

Эти приступы паники, когда он терял самообладание, преследовали его со времени смерти отца. Но впоследствии, когда он был готов к мести, они оборачивались необузданной жестокостью юного вождя племени по отношению к чужакам. Однако сейчас Тэмучжин с братьями ускакали прочь, а старуха-рабыня, поняв, что помощи ждать больше неоткуда, затолкала Бортэ в возок, запряжённый коровой, завалила её шерстью и погнала телегу навстречу меркитам. Те не обратили на спешащую пожилую женщину внимания. Меркиты захватили всё добро Тэмучжинова племени и уже возвращались в своё стойбище, когда заметили утреннюю старуху, прячущуюся за барханом. Это показалось им странным. Они решили обыскать возок с шерстью. Так Бортэ оказалась в их плену.

Пришедший в себя Тэмучжин почернел от злобы и ненависти к захватчикам своей жены. Какой-то скот-меркит теперь ласкает его дорогую Бортэ! А если не ласкает, а хуже? Измощённый от поспешного и позорного бегства, он бросился к другу детства Джамухе, который был таким же бандитом-искателем счастья, как и он, но имевшим большой и хорошо подготовленный к военным стычкам отряд. Джамуха не забыл детской дружбы и согласился помочь Тэмучжину. Однако друг не стал тут же собирать своих всадников, а объяснил гневному предводителю разорённого племени, что меркиты сейчас, после набега, готовы к отпору, ждут его, пусть они остынут, забудут о своих «подвигах», тогда мстители и нагрянут к ним.

Вынужденная передышка затянулась на несколько месяцев, за которые друзья не только хорошо подготовились к своему набегу, но и нашли ещё одного союзника — Торгула со своим отрядом. Однако Тэмучжин ни на день не забывал, что его Бортэ всё это время живёт в юрте простого меркитского воина как рабыня и наложница. Это ранило его гордыню так, что он временами терял самообладание от осознания своей временной беспомощности и бросался в одиночные грабежи проезжавших мимо мирных путников-чужаков. Друзья-соратники старались остановить его, но успевали не всегда. Именно так случилось в ту ночь, когда пришло время отомстить меркитам.

Красота осиянной луны поразила Тэмучжина, и он на мгновение застыл, глядя на ночное светило. Однако толчок в плечо отрезвил его. Джамуха и Торгул со своими отрядами разъехались в разные стороны. Его люди застыли позади него. Он сжимал нагайку, ощупывал оружие и всё никак не мог дожидаться, когда его соратники вылетят с флангов. Его нервная нетерпеливость привела к тому, что он дёрнул поводья и верный конь, привыкший к такому знаку как понуканию к движению, тронул с места и сразу пошёл рысью. Тэмучжин не стал его осаживать, а наоборот — пришпорил и подался вперёд. В тёмно-синей тьме ночи этот всадник летел будто не касаясь земли, а вскоре тишину разорвал отчаянный и жалобный крик: «Бортэ! Я здесь! Бортэ!»

...Бортэ — какое красивое старинное имя. Сейчас никто так не называет своих дочерей. Откуда оно взялось у меня на языке? Ах да, этот сон... Какой странный, красивый и ужасный сон. Никогда ничего подобного не видела. Как мне здесь хорошо, спокойно. Что такого случилось, что я сразу поняла, что мне хорошо с ним? Вон он чего-то мудрит у горящего торшера. Как хочется его обнять, прижаться к нему. И какое у него тоже красивое имя — Вадим. Князь Вадим. Есть в нём что-то древнерусское. Я ведь недавно изучала происхождение имён. По новейшей версии это имя двухкорневое. От слова «вАдить» в нём значение «влечь, привлекать, манить», а от корня «има, имати» — обладание, имение. Значит, Вадим — привлекательный, зовущий, обладающий, любимый.

Любимый... Так бы и укусила его за попку! Ну до чего развратный! Я тихонько сползла с постели и подошла к нему со спины. И сразу обхватила его! Он вздрогнул. Чего ты боишься, дурашка! Да я тебя никому не отдам! Ты весь мой — и здесь, и здесь, и здесь. Я провела ладонью сверху вниз по груди, по животу и, нащупав ремень, быстренько расстегнула его двумя руками и скользнула в пах под трусы. Какой у него ещё сонный! А вот мы сейчас разбудим его. Я обернулась вокруг его тела и оказалась на коленях прямо перед его оживающим хоботком. И чмокнула этот мягкий пенис, с ещё нераскрывшейся головкой, как ребёнка, быстро и легко, а потом провела язычком по набухающим краям крайней плоти и нежно поцеловала его обнажающуюся головку.

Когда я обняла губами уже открывшуюся и напружиненную плоть головки, Вадим просто танцевал передо мной. Он не мог стоять на месте. Я сдёрнула пониже трусы с брюками и достала его яички. Они уже не были вялыми как вначале. Вот ведь как интересно ощущать, как они отзываются на мои прикосновения! Я завожу ладонь в промежность и медленно веду её, прижатую к пляшущей коже, по этому короткому пути до ставших натянувшимися, как барабан, яичек. А в конце обнимаю этот вздувшийся кожаный мешочек ладонью и начинаю массировать его, ласково сжимая и разжимая кулачок. Стоит мне покрепче сжать его, и ты закричишь от дикой боли. Но разве я сделаю тебе больно?

Тем более что ты уже не можешь сдержаться и со стоном и произвольным дёрганием всем телом выпускаешь мне в рот струю клейкой спермы. Правда, сначала эта живая слизь не кажется клейкой, это потом, если струйка её вытечет изо рта на подбородок, а ты начнёшь стирать её пальчиками, они скоро окажутся связанными, слипшимися и липнувшими к коже. Я поглядела наверх. Вадим рванул резиновые перчатки на руках, и они лопнули с характерным звуком, как воздушные шарик. Он схватил меня и резко вздёрнул вверх. Кажется, сейчас уда-

рит! Но он оттолкнул меня к своей лежанке и почти опрометью, придерживая брюки, бросился в сторону кухни. Что с ним?

Я села на постель и привалилась к стене. Бешеный как разъярённый бык. Я закрыла глаза. Под тёмными веками мелькали красные мушки. Вот они слились в какие-то смутные очертания, и перед моим мысленным взором предстала живая картина. Разъярённый, но молчащий Тэмучжин почти отталкивает от себя Бортэ, когда она говорит ему о ребёнке под сердцем. Потом он сидел и глядел на неё, но вдруг вскочил и зашагал из стороны в сторону по своей юрте. Он хватал какую-то посуду в руки, но не зная, что с ней делать, отбрасывал прочь. Когда ему попался большой ковш, он остановился, быстро зачерпнул приготовленный кумыс — и немедленно выпил.

Акт шестой. Горячим отблеском стихий...

Горячим отблеском стихий нам память освещает жизнь, давно, казалось, канувшую в Лету. И мы в безвременье глядим, не понимая, как один всего лишь человек мог покорить полсвета. Конечно, он был не один, а с войском. Был он нелюдим, но рать его была почти бессчётной. И каждый воин службу с ним, и даже смерть в рядах его несчётных войск считал почётной. Круг жён героя ублажал, мужчина ж каждый уважал безмерно, тут вы мне на слово верьте, но ни один художник (да!) его никак и никогда в рисунке не изображал под страхом смерти. Никто не знает до сих пор, как выглядел монгольский тор, военный бог, что под своей пятой держал полмира. Но каждый до сих пор готов без слов, не потряся основ, к своей народности причислить этого кумира.

Я не поэт, а потому устал говорить стихами (если это стихи, конечно, надо спросить у настоящего автора этой книжки). Но суть я, думаю, передал верно. Чингисхана, которого мы пока знаем под именем Тэмучжина, чьих прижизненных портретов в природе не существует, потому что он запрещал себя рисовать, считают своим предком не только монголоидная раса, но и тюркские народы. А самое удивительное, что сейчас его происхождение прослеживают даже из протоевропеоидной расы. Согласно «Сокровенному сказанию» монголов Тэмучжин происходит из династии Борджигин. А отец его Есугэй — один из внуков первого хана всех монголов Хабула.

Потомки клана Борджигин в настоящее время составляют пятую часть населения Монголии. Немало представителей этого клана есть среди других народов монгольской группы: бурятов, калмыков, ойратов, урмакцев. Казалось бы, всё ясно. Однако почему Тэмучжин был прозван великим ханом — Чингисханом — именно на тюркский манер? Интересно, что в клановом имени Борджигин корень Бор-, по мнению многих лингвистов, указывает на светло-серый цвет. Очень любопытно в связи с этим сообщение персидского историка XIV века Рашид ад-Дина о том, что Борджигин означает «синеглазые». Он утверждал, что представители этого клана отличались синим цветом глаз и рыжими волосами.

Согласно древним китайским хроникам, многие тюркские племена были рыжеволосыми. Русский путешественник и этнограф конца XIX века Григорий Грумм-Гржимайло описывал в Центральной Азии, на территории китайского Синьцзяна, племена рыжеволосых тюрков. Среди казахов Старшего жуза в это же время ещё существовало племя Сары (рыжих), выделявшихся по этому признаку. А в старину все казахи Старшего жуза (Уйсун), по преданиям, были такими. Замечательный наш мыслитель Лев Гумилёв считал рыжеволосое и голубоглазое население пустынь и степей Центральной Азии потомками древней кроманьонидной (протоевропеоидной) расы. Тюркские народы, известные по истории Древней Руси как булгары и половцы, принадлежали к ней и были европеоидами.

Как бы там ни было, от кого бы ни произошёл Сотрясатель Вселенной, как его стали называть ещё при жизни, главное — что он оставил после себя. А после себя он оставил миллионы потомков. Правда, миллионы их расплодилось только к нашему времени, а в течение его жизни их насчитывалось всё-таки гораздо меньше. В численности прямых потомков оценки учёных и праздных исследователей сильно расходятся. Даже в количестве жён и наложниц великого восточного воина цифры отличаются друг от друга почти на порядок. Но тут мы хотя бы можем проследить некую иерархию. По одним сведениям, у него было 26 жён и 2 тысячи наложниц, по другим, число наложниц исчисляется 7 тысячами.

На самом деле лишь четыре жены считались, так сказать, старшими — его любимая до конца жизни Бортэ, а также Есуган, Есуй и Хулан. Им было разрешено участвовать в решении государственных дел своими советами. Но при этом сыновья лишь одной из них имели право наследования империи. Конечно, это были сыновья Бортэ. Хотя и все остальные его

многочисленные потомки, относясь к чингизидам, а значит — к аристократии, не бедствовали. Всех «жён» Чингисхана можно условно разделить на несколько групп. К первой относились «политические» — дочери правителей, которых отцы выдавали замуж, чтобы скрепить союз с завоевателем. Со многими из них Сотрясатель Вселенной встречался только один раз — в брачную ночь.

Затем шли «искусницы», как правило китайки, которых Чингисхан отличал за изощренные сексуальные техники, позволяющие многократно доводить мужчину до блаженного состояния без эякуляции. Правда, тут он был не одинок в своих пристрастиях: вся его знать, в отличие, скажем, от простых воинов, которые считали, что женщина должна утолять страсть, а не разжигать её, практиковала китайскую любовь. Наконец, самую многочисленную группу представляла живая «коллекция» самых красивых девушек из завоёванных стран, ставших по сути секс-рабынями Первого воина Вселенной. С ними он не церемонился, как, скажем, с политическими.

Например, захваченную при штурме города Нашпур индийскую танцовщицу Сами, мало того, что небывалой красоты девушку, так ещё и бешеного сексуального темперамента, которая осмелилась сказать Чингисхану, что ей мало того мужского внимания, которое он ей уделяет, Сотрясатель Вселенной приказал «накормить досыта». И её «накормили». С помощью двух нефритовых фаллосов-лингамов придворный монах-даос в течение нескольких часов на глазах Чингисхана многократно доводил Сами до оргазма. В итоге сердце танцовщицы не выдержало. Но не все достаивались такой «сладкой» смерти.

Обычно после очередной победы женщины врага подвергались повальному насилию, после чего их убивали. Чингисхан не хотел, чтобы на покорённых им землях плодились полукровки-мангасы. Однако самых красивых женщин под страхом смерти не трогали. Им устраивали единоличный конкурс красоты. Когда военачальники Чингисхана во время победного пиршества жадно рвали и ожесточённо жевали куски почти сырой конины, эти женщины одна за другой представляли перед повелителем. И он избирал себе в жёны самую красивую. Причём он выработал даже свои правила: у его женщин должны были быть «маленькие носы, округлые бедра, длинные шелковистые волосы, красные губы и мелодичные голоса».

И всё же неизменную любовь и уважение, впитанные ещё с детских лет, он ощущал только к своей Бортэ. Настолько, что даже рождённого ею после пленения сына, несмотря на мучительные сомнения, признал как своего и ни разу ни в чём не укорил первую жену. Но меркитам позорного своего бегства и позорного её плена не простил. Когда он уже был в силе и славе, пришло время по-настоящему отомстить унизившему его племени. Не скрываясь теперь под покровом ночи, он налетел со своими воинами на стойбище меркитов и уничтожил его под корень. Уничтожил само семя меркитское. Так он думал. Но спустя три дня один из его военачальников по имени Наяга привёл в его юрту красавицу Хулан, единственную оставшуюся в живых девушку из племени меркитов.

Чингисхан вскипел. И велел убить Наягу, дважды ослушавшегося его приказов. Во-первых, в живых было приказано не оставлять никого. Во-вторых, всех красавиц должны были немедленно приводить на смотрины к нему, а Наяга продержал её три дня у себя, значит, воспользовался ею. И тут заговорила Хулан. Она оказалась очень умной девушкой, а ум жестокий повелитель уважал. Она сказала, что Наяга не тронул её, объясняя ей, что красивых девиц и женщин, так же как захваченных кобыл и жеребцов врага, он считает собственностью своего хана. Более того — Хулан потребовала, чтобы удостоверили её девственность. Чингисхан внял ей и пощадил своего преданного воина, а умничку Хулан сделал своей второй женой.

Она единственная из старших жён сопровождала его во время военных кампаний и умерла во время индийского похода. Кстати, почти такая же история приключилась и с сёстрами Есуган и Есуй. Они были дочерьми татарского хана Церен-эке. Хана того самого племени, которое когда-то отравило его отца — Есугэя-багатура. Те, кто когда-то обрёк его на сиротство

и скитания, должны были быть сметены с лица земли. В мести Чингисхан был беспощаден. И он уничтожил род Церен-эке. Но в этот раз кое-кому из женщин удалось сбежать от всевидящего ока мстителя. Не удалось только младшей дочери хана Есуган. Он заметил её на смотринах и решил взять «луноликую красавицу» в жёны.

Но лунолика оказалась то ли хитрой, то ли глупой, желая разделить позор со старшей сестрой, — история не делает оценок. Проведя ночь с победителем, наутро она сказала ему: «Быть твоей женой — большая честь для меня, но куда больше этой чести достойна моя сестра Есуй. Она красивее меня и опытнее в искусстве любви». Чингисхан поверил ей и велел немедленно разыскать Есуй. А её сестра в это время пряталась в недалёком лесу вместе со своим женихом. Когда отряд Чингисхана обнаружил их, жених сбежал, а Есуй была доставлена пред очи повелителя. При этом младшенькая благоразумно уступила место старшей, сев на более скромное место. Это понравилось Чингисхану.

Но та история на этом не заканчивается. Жених Есуй сожалел о своём бегстве и надеялся исправить ситуацию, то есть, улучив момент, выкрасть свою любимую. Он тайком пробрался на пир, который по случаю победы над татарами, как всегда, закатил Чингисхан. Но внезапно увидевшая среди пирующих возлюбленного Есуй не смогла удержать вскрика. Проследивший направление её взгляда теперь уже ревнивый муж велел схватить незнакомца. После допроса Чингисхан приказал отрубить молодому татарину голову со словами: «Ты потомок моих врагов и пришел сюда подсматривать. Я умертвил их всех, так и о тебе нечего раздумывать». Впоследствии великий хан не раз уединялся в своей юрте на ночь с обеими сёстрами. Он называл это «ездить на двух кобылицах».

...Вернувшийся из кухни Вадим посмотрел на свою «кобылицу», дремавшую прислонившись к стене на его лежанке. Он не знал, что с ней делать. С одной стороны, она ему не нравилась, не его это тип, но трахаться с ней было... упоительно, что ли? Нет, не то слово. Да и «упоительно» в данной ситуации вообще как-то больше напоминало об «упиться». С ней всё время хотелось выпить. А с другой стороны, она так хотела его, что это подкупало. Давно (а может — и никогда?) у него не было женщины, которая бы так открыто хотела его и наслаждалась им. Ни о чём не спрашивая и ни о чём не прося. Кстати, о ни о чём не спрашивая... Как её хоть зовут-то? Его и о нём, похоже, она знает. А он о ней ничего.

За окном стояла ночь. На столике стояла посуда с практически готовой краской. Вадим достал купленные заранее тюбики и разложил по ним раствор связанного красящего вещества. Ложиться с этой восточной красавицей на трезвую голову не хотелось. Хотелось выпить. А выпить больше ничего не было. Правда, у них практически во дворе стояла круглосуточная палатка, где всегда можно было разжиться бутылкой водки. Вадим пошарил по своим карманам и понял, что на пол-литра он наскребёт. Он накинул куртку и спустился во двор. Скоро он вернулся с бутылкой под мышкой. Горючая жидкость была тёплой. Он с отвращением выпил половину гранёного стакана и запил это пойло яйцом из холодильника.

Вскоре полегчало. Он наплескал ещё полстакана. После этого уже захорошело. После третьего приёма «духовной пищи» Вадим понял, что свою норму выполнил. Теперь он даже мог лечь со своей «кобылицей». Прикольная всё-таки она. Он подошёл к постели и, нажав на её плечо, свёз по стенке женщину до положения «лёжа». Она повалилась как куль. Но при этом что-то пробормотала. Вадим хмыкнул:

— Как тебя зовут-то хоть?

Она, казалось, не слышала вопроса. Но потом вдруг спокойно произнесла:

— Гага.

«Гуси-гуси, га-га-га!» — подумал про себя Вадим и, не раздеваясь, бухнулся рядом с этой гусиной родственницей. Он провалился в сон сразу же. Ему снилось, что он пробирается почти по пояс в воде среди камыша к какому-то свитому из трав гнездовищу с лежащим на нём охотничьим ружьём, из которого ему надо стрелять по пролетающим над головой уткам.

Утки тревожно крякали, справа и слева взлетая из камышей и тут же набирая высоту полёта. Он раздвигал руками шуршащий тростник, выдирая ноги в высоких болотных сапогах из засасывающего их ила вперемешку с тиной, и ему дико хотелось пить. Вадим во сне не понимал, что его донимает похмелье. А на краю гнездовища, казалось, на расстоянии вытянутой руки была приткнута литровая прозрачная бутылка с не менее прозрачной и манящей водой. Он из последних сил дотянулся до неё, схватил, одним движением свернул крышку — и немедленно выпил.

Акт седьмой. А он не думал ни о чём...

А он не думал ни о чём. Он проворачивал плечом подушку, подтыкая её угол себе под шею, чтоб она не затекала. Но как ни шурудил плечом, подушка тёртым калачом опять куда-то набок уползала, и это действие никак не помогало... Тыфу, что это? Это я во сне пишу стихи о своём сне? Или о действительности? Действительно никак не подоткну подушку под шею. Как пить-то хочется. А казалось, что я выдул только что целую литровую бутылку прозрачайшей и вкуснейшей воды. Правда, это было в другом сне, в охотничьем. Сколько ж снов я увидел во сне? Что вообще со мной творится? Хотя ведь не в первый раз такая фантазмагория. Это всегда бывает, когда подступает время очередной вещи.

Как будто что-то во мне происходит, живя своей непонятной жизнью, но однажды внутри всё становится вдруг на свои места, и картина непонятно с чего начинает писаться. И определяет себя сама. Если, конечно, не пишешь что-нибудь вроде портрета на заказ. Тут ты на чистом профессионализме. Он тоже нужен. Это та самая начальная школа, о которой я говорил. Основы, без которых никуда. Я поэтому и не люблю самодельных примитивистов. У них, конечно, могут быть свои интересные моменты, но как правило в картину в моём понимании они не складываются. Однако тут опять вступают в действие какие-то законы судьбы (или вселенной как аналога бога?), которые как те самые «пути господни» неисповедимы. И примитивисты становятся знаменитыми, хотя никаких предпосылок к этому, казалось бы, нет.

Что-то я зарассуждался, а в окне уже ранний рассвет. Моя подруга дрыхнет без задних ног. Стоп! Это я её уже подругой назвал? Чудны дела твои, господи! Я протянул руку и потрепал её по жёстким волосам. Она как будто ждала этого, сразу придвинулась ко мне и обняла за шею. Терпеть этого не могу! Это я насчёт шеи, а не насчёт обнимашек. Я взял её за кисть и спустил руку на свою талию. Тогда она вдруг перевернулась и прижалась ко мне спиной. Да ещё прихватила мою руку, которую приложила к своему животу. Мне стало смешно, я, кажется, проснулся. Высвободив свою длань из-под её ладони, я нащупал пуговицы на её блузке и стал потихоньку расстёгивать их сверху по одной. И вот уже под рукою тёплая кожа её груди и росток соска под чашечкой бюстика.

Долго возбуждать её не пришлось. Я прихватил сосок и потёр его между пальцами. Она замерла. Затем обнял ладонью грудь и вытянул из чашечки бюстгалтера. Сжал её несколько раз в своей руке. Она отмякла. Погладил по груди и стал стаскивать рукав блузки через негнущееся плечо. Она повела плечиком, и рукав соскользнул. Теперь надо было её повернуть на другой бок, лицом ко мне. Эта операция прошла безболезненно. Второй рукав высвободился ещё быстрее. На лифчике я подзастрял, никак не отстёгивались крюпочки. Но и он скоро лежал в стороне. Теперь оставались брючки. Но тут эта Гага, если эта кличка действительно её имя, сама проявила инициативу.

Начала как обычно с ремня. Затем её ладошки оказались в моих трусах. Я, вернее он, был уже почти готов. Споро скинув своё тряпье, я принялся за неё. Брючки её с расстёгнутой ширинкой, стоило ей приподнять попку, легко соскользнули сначала с её бёдер, а затем, при перемещении центра тяжести, и с ног. Она по-прежнему была без трусиков. Я приподнял маленькое тельце и поставил её на коленки, а сам примостился сзади. Она, уткнувшись лбом в подушку, достала сначала до моего дружка и, доведя его до кондиции, ввела во влагалище, а затем тут же стала массировать яички, ритмично покачиваясь со мною в такт. Я старался не торопиться, продлевая «прелюдию». Пусть и она получит удовольствие. Но надолго меня не хватило.

Почувствовав приближение оргазма, мой организм сам пришёл в неистовство, заставляя меня двигаться всё быстрее и быстрее, пока на высшей точке возбуждения я не схватил Гагу за плечи и, со всей силы вбивая пенис, прижался к её попке. Я так навалился на неё, что она

рухнула вперёд, на подушки, а я упал на неё. Мы лежали, тяжело дыша, и молчали. Затем я, прижав её к себе, перевернулся с нею набок. А то ещё задавлю. Скоро моё тело охватила блаженная немотствующая неподвижность, и я не заметил, как уснул. Проснулся я от бивших мне в закрытые веки солнечных лучей. Гаги не было. Опять хотелось пить. Сползши с лежанки, я побрёл на кухню. Воду я пил, наплевав на всякие санитарные и прочие предупреждения, прямо из-под крана.

Вернувшись, я обнаружил на столике записку, нацарапанную прямо на моём эскизном ватмане, что служил временной скатертью. «Вадим, я очень рада знакомству с тобой. Мой телефон...» — далее шли цифры. Смотри-ка, она ещё надеется, что я ей позвоню. Надо работать. Надо работать! Сколько времени я потратил на этих любопытствующих. Они ещё каждый раз что-нибудь забывают у тебя, и ты не знаешь, что делать с этой вещью — то ли выбросить, то ли оставить себе или дожидаться пока кто-нибудь за ней не явится. Вон, кстати, кто-то оставил у дверей свой зонтик. Ну что за люди! Даже прикасаться к нему не буду. Я прикнутил к фанерке на станке чистый ватман и сел напротив белого пространства листа. Надо взглядеться в себя. Это своего рода ритуал.

Ждём музу. Хотя муза, честно говоря, приходит только с первым мазком или карандашным наброском, а иногда и далеко не первым, а иногда и вообще не приходит. Она от тебя не зависит. А ты от неё очень. Она находится где-то на небесах. Это у меня образ такой. Как будто вокруг планеты вращается информационный поток, который включает в себя абсолютно все знания, накопленные человечеством, а также то, что ещё ждёт своего открытия. Что-то неизведанное. И ты на каком-то этапе своей духовной жизни подключаешься к этому инфопоясу, протягивается какая-то антенна, какой-то луч, упирающийся в поток, и по этому проводку тебе передаётся любая инфа, любое недостающее движение кисти, любое точное слово. А люди говорят — муза пришла.

Иногда ты даже теряешь своё я. Будто кто-то водит твоей рукой. А ты отключаешься, ты тут и тебя тут нет. Ты в каком-то экстазе. А это значит — муза пришла. Я поднёс карандаш к листу и провёл округлую линию. И движение пошло. Стало вырисовываться лицо в шлеме. Да нет, это не шлем, это такая шапка с навершием в виде конца копья. Железный шлем надевают перед боем, перед набегом, а эта шапка означает, что перед тобой знатный воин или военачальник. Он склонился в полупоклоне перед сидящим повелителем, который свирепо смотрит на своего подчинённого. А между ними стоит стройная красавица-девушка с тонкими чертами лица и длинной косой. Она что-то говорит, показывая рукой на подчинённого воина, но при этом во всей фигуре её сквозит покорность властелину.

И тут до меня дошло. Это же сюжет из продолжения моего сериального сна. Это Наяга привёл Хулан к Чингисхану, а тот, рассвирепев, готов отдать приказ о его смерти. Скоро набросок был готов. Я уже видел его в краске. И сразу достал большой холст из заготовленных мною впрок. Фанерку с приклепленным ватманом я перенёс и приспособил повыше на столик, а на станок прикрепил натянутый холст. Стал искать первую точку для нанесения мазка. Зачин всегда важен. Да что тут думать, начну, как и карандашный набросок — с лица. Дело сразу пошло, хотя лицо не лучший вариант для начала. Многие начинают с чего попроще, чтобы подобраться к основному постепенно.

Я, как всегда в этих случаях, забыл о времени и еде. Очнулся уже вечером, да и то лишь потому, что кто-то настойчиво звонил в дверь. Глазка у меня нет, и я всегда открываю, что называется, наобум, не спрашивая кто там. В дверях стояла Гага. Она смущённо улыбалась:

- Здравствуйте, Вадим! А я зонтик у Вас забыла...
- Привет! Что это ты на Вы? Вроде же на ты уже перешли.
- Ну да... Пройти можно?
- Проходи.

Я повернулся боком, пропуская её. Она быстро прошла в мою комнату, а я задержался, думая, отпускать её или нет. За целый день напряжённой работы я имею право на личную жизнь, на расслабление, на плату, наконец, за труды. А жрать-то как охота. Я шагнул к холодильнику и распахнул дверцу. Да, тут мыши недолго повеситься. Кусок заветренного сыра, огрызок колбасы да пара яиц. Ну, и на том спасибо. Можно яичницу сварганить с колбасой. Наверное, надо и гостью накормить. Похоже, она после работы ко мне явилась. Я пошёл в комнату и увидел её застывшей перед моим свежим холстом. Ну да, это ведь её родня в каком-то смысле. Но мне надо о хлебе насущном думать.

— Гага, есть хочешь? Мне надо только за хлебом сходить. Да и вообще в холодильнике мышь повесилась.

— Не надо, Вадим. У меня всё есть.

Она скинула с плеч разноцветный кожаный рюкзачок.

— Можно?

Она спрашивала, можно ли снять со столика фанерку с эскизом. Я кивнул и переставил фанерку на пол, перенёс столик на середину комнаты. Гага раскрыла рюкзак и стала доставать из его нутра разные продукты. Тут были и хлеб, чёрный и белый, колбаса двух видов — сервелат и варёная, да ещё пара банок каких-то консервов и зелень, помидоры, огурцы. А главное — бутылка хорошей дорогой водки. Она подняла голову от рюкзака:

— Мне можно с тобой выпить?

— О чём ты говоришь, питательница! — я заворожённо наблюдал за священнодействием. Обычно тут пили за мой счёт. Если, конечно, не приносили с собой что-нибудь горячительное идущие толпой, как говорится, почитатели таланта. Но тогда всё сметалось враз, так что и мне не всегда доставалось.

— Я не писательница, я простая журналистка, — я не стал объясняться с ней по поводу моего новояза, пусть думает, что я косноязычен. Я и впрямь потерял дар нормальной речи от такого изобилия. Ну как такую женщину не любить? А тем более не трахать! Да тут даже только из чувства благодарности надо всю стараться. Она достала из необъятного чрева этого кожаного мешка ещё бутылку. Это было явно какое-то коллекционное вино. Гага стояла перед столиком напротив меня. Я подошёл к ней, повернул её спиной к себе, обнял, сразу положив руки на её груди, и чмокнул в жёсткие короткие волосы на макушке. Почему-то мне захотелось поцеловать её в голову как ребёнка. Большого несмышлёного ребёнка. Хотя почему несмышлёного? Я, пожалуй, потупее сейчас буду.

— Ты помоешь овощи? — она положила на снятую с полки тарелку лук с укропом и огурцы с помидорами и протянула её перед собой, предлагая мне, стоящему сзади. — А я пока всё остальное приготовлю.

Когда я вернулся из кухни, всё уже было готово. По тарелкам были красиво разложены порезанные хлеб и колбаса, даже консервы были вскрыты. Где она нашла открывашку? А впрочем, у меня же ведь всё на моих самодельных полках лежит. Но как она с её ростом увидела? Ну, а табуретки на что... Колбасно-рыбный запах распространялся дивный. Я давно уже чувствовал зверский аппетит. Ротовые рецепторы вырабатывали слюну беспрестанно. Она протянула руку:

— Давай! — и быстро нарезала в эту же тарелку помидоры и огурцы, крошив на них сверху лук и веточки укропа. А я в это время достал и поставил на стол солонку. Я чувствовал, что сейчас захлебнусь слюной. Я не мог ждать. И почти на автомате продолжал помогать ей собирать на стол. Пока она резала овощи, я отвернул крышку на шикарной поллитре и, достав с полки две керамические «рюмашки» покрупнее, потому что мне хотелось сразу хлопнуть основательно, а ей налить как в фужер побольше вина, поставил их на столик и наполнил одну для себя. Её вино ещё надо было открыть. Я нашарил на вечной моей помощнице-полке штопор-винт с ручками и схватил её бутылку.

Первым делом надо было сорвать с обтянутой винилом горловины эту вечную канитель. Я подцепил кончиком винта нижний край, но он не поддавался, срываясь по стеклу. Я бросил штопор и схватился за нож. Тут дело пошло лучше. Отбросив ошмётки винила, я воткнул в пробку винт. Через несколько секунд пробка, чпокнув, вылетела из горлышка. Не медля ни секунды, я наклонил бутылку над второй «рюмашкой». А наполнив, поднял свою, чмокнул в щёку восточную женщину, торопливо сказал, не успев улыбнуться и превратить всё в шутку: «Гага, я тебя люблю!» — и немедленно выпил.

Акт восьмой. Она была погружена...

Она была погружена в эту картину с головой. И даже не сразу услышала, как я её окликаю: «Татьяна! Таня! Ну Танька же!», — дёрнув на последнем слове за рукав. Тут она оторвалась от полотна и повернулась ко мне, произнеся: «Он гений!»

— Кто?

— Ну художник этот, Каракоров. Вадим.

— Да, я тут посмотрела два зала, сильные картины.

— Да ты посмотри как следует на эту. «Тэмучжин похищает пленную Бортэ». Какая притягательная зовущая луна! И две тени на коне! Как будто их никто уже и никогда не сможет удержать!

Я всмотрелась в этот холст с необычной цветовой гаммой. Кажется, одни переливы чёрного, серого и тёмно-синего, но сияющие светом луны эти безликие цвета становятся какими-то подвижными, помогающими паре на скакуне. Сколько в этом экспрессии! И чем больше всматриваешься в неё, тем больше ощущаешь, что ты находишься не в тёплом зале живописной выставки, а наблюдаешь, стоя за холодным барханом, эту удивительную ночь и сказочную скачку влюблённых. Действительно, гений. Открывал выставку его автопортрет. Я ещё подумала: вот самомнение у человека! Смотрите все на меня, вот он я — самый главный здесь! А ведь ничего особенного из себя не представляет, судя по автопортрету. Далеко не красавец.

Правда, художник, оказалось, удивительный. Красок всего ничего, а столько всего сказано! Вернее, показано. Откуда у них, у живописцев этих, это всё берётся?

— Тань, а ты его автопортрет видела?

— Да я его самого видела. Он тут где-то бродит. За ним толпа ходит.

— Это в каком зале?

— Да кто ж его знает, где он сейчас.

— Пойдём поищем?

— Да давай ещё картины посмотрим. Ты вон ту видела? «Чингисхан».

Я поглядела в ту сторону, куда указывала Танька. И сразу онемела. На меня смотрел, пригибая своим взглядом меня к полу, огромный кряжистый мужик, сидящий на каком-то подобии трона. У него были синие глаза! Рыжие пряди выбивались из-под островерхого шлема. Он видел тебя насквозь своими пронзительными глазами. Ему хотелось поклониться. Пасть ниц. Ползти к его сапогам со слегка загнутыми носами. И обнять их, и остаться возле них навсегда! Я с трудом отвела взгляд. Это магия какая-то! Как он это делает? Мне хотелось его увидеть!

— Тань, пойдём поищем его.

— Что, и тебя проняло? Ну пойдём.

Он стоял, окружённый неплотной толпой, и отвечал на вопросы. Мне хотелось спросить его чего-нибудь этакое, но ничего в голову не приходило. Тут кто-то задал вопрос о новых работах. Вадим предложил поехать к нему в мастерскую и посмотреть их на месте. Почти все из этой толпы собрались ехать с ним. Мы с Танькой, естественно, тоже. В мастерской он вытаскивал с полок свои холсты и ставил их, прислоняя, к стенам. Почти все они были на тему татаро-монгольского владычества. И Чингисхан был центральной фигурой на этих полотнах. Правда, такого пронзительного и повелительного взгляда у него на них не было. Картина с выставки оказалась самой сильной, самой притягательной из них.

А теперь я пью с ним вино и могу смотреть на любой из его холстов. Тот, что стоит у него на подрамнике, неподражаем. У меня опять появилось ощущение, что я нахожусь прямо в этой огромной юрте, где Чингисхан разъярённо смотрит на склонившегося перед ним воина и объясняющую ему что-то девушку.

— Вадим, а кто эти двое?

— Это Наяга и Хулан.

Он поведал мне историю про них.

— А откуда ты всё это знаешь?

— Я это вижу во сне.

— Ну не считай, пожалуйста, меня совсем уж идиоткой...

Он хмыкнул:

— Так и знал, что не поверишь. И всё же это правда.

И он рассказал, как пришёл к написанию исторических картин. Не знаю: верить ему или нет. Может, он всё-таки держит меня за провинциальную дурочку. А Вадим, похоже, сильно выпивает. Какой-то помятый. И небритый. Так и хочется прижать его к себе и не отпускать. Он что-то говорил, я встала, подошла к нему сбоку и обняла его голову, прижав к груди. Он замолчал, а потом одной рукой, обхватив за талию, приподнял меня и поставил между колен. Мы были почти вровень друг с другом: он сидящий и я стоящая. Я потёрлась щекой об его колючую щетину. Он нежно поцеловал меня. Поднимая первый тост, он сказал, что любит меня. Хотя и тоста-то никакого не произнёс, да и про любовь сказал так... вскользь.

А я бы отдала ему всю себя. Как он сладко целуется. У меня бабочки в животе. Кажется, я могу кончить даже без полового акта. Он подхватил меня второй рукой под колени и, развернувшись, положил на постель. А сам, встав, скинул рубашку, поочерёдно вытаскивая полы из-за пояса. Расстегнув ремень, приспустил брюки, а потом, присев, стянул их, бросил на табурет и, повернувшись, нагнулся ко мне. Коснулся губами моих губ. Я совсем поплыла. А он стал расстёгивать блузку и заводить ладони под мой бюстгалтер. Какой же он всё-таки сладкий нахал! И гений! И как мне с ним хорошо! Мои соски отзывались на каждое его движение. Мне хотелось самой расстегнуть и сбросить свои брюки.

Однако это сделал он. И трусики стянул вместе с ними. Я лежала голая, как только что родившаяся. А он целовал меня лёгкими касаниями губ в ухо, потом в шею, затем в сосок одной груди, и в обратном направлении — от соска второй груди через шею в ухо. А рука его в это время прошлась по моим бёдрам и слегка раздвинула ноги. Внутренняя сторона бёдер, моя эрогенная зона, отзывалась на ласки неумным дрожанием. А когда он завёл пальцы в мою густую поросль и, пройдясь по клитору, провёл указательным по моим внутренним губкам, я забилась в дрожи вся. Мои руки гладили его грудь, его живот, его пах. И так хотелось поцеловать его вставший в боевую стойку член, что я тянулась развернуться к нему, а Вадим меня удерживал, прижимая головой.

Я сначала не понимала, для чего. Но потом до меня дошло. Он хотел довести меня до «точки кипения». И это ему удалось. Я уже извивалась на постели как безумная. И тут он вдруг как-то неожиданно оказался между моих ног, загнув их почти к моей голове, так что попа оказалась задранной вверх, а он, просунув руку вниз, провёл ладонью от анального отверстия до влагалища, смазав чем-то прохладным этот путь. И почти сразу я почувствовала его пенис в моём заднем проходе. Он вводил его осторожно, лёгкими толчками, но мне всё равно казалось, что это больно. Вернее, что боль наступит вот-вот, сейчас. А пока она была не сильной, а какой-то тупой. И вдруг с очередным его толчком я обнаружила, что шепчу в такт: «Не надо, не надо...» Но он не обращал внимания на мой шёпот.

Он входил всё глубже, но ритмично, так что я приспособилась к его движениям, и мне уже не было больно, даже ожидание боли прошло. В какой-то момент я вдруг почувствовала удовольствие от ощущения его «предмета». И совсем расслабилась. Особенно было приятно, когда казалось, что пенис каким-то образом достаёт до моей матки. Будто он тут и там одновременно. Я смотрела снизу на его колышющееся передо мной лицо, и не знала: прятать глаза или смотреть во все глаза. Мне было и стыдно, ведь такого со мной никогда не было и, я думала, быть не могло, и в то же время интересно: а что же чувствует он при анальном сексе? А он

вдруг, будто до этого всё сдерживался, со стоном упал на меня, и его член так глубоко вошёл в меня, что мне стало действительно больно.

Он излился такой порцией своей жизнеобразующей жидкости, что казалось будто она сейчас польётся из меня наружу. Но Вадим завалился набок и завалил вместе с собой меня. Я не шевелилась, не зная, что делать. А он почти сразу засопел. Заснул. Его дружок опал и превратился в маленькую тряпочку. Я отстранилась, выпустив её из себя, и вновь прижалась спиной к Вадиму. Веки мои заволокло изнутри нежно-розовой пеленой. Всё плыло и качалось в этой лёгкой безвоздушной пене. Я и спала, и не спала. Находилась в полудрёме и видела сны. И они были странными, как и моё состояние. То это были какие-то набег кочевников, то любовные сцены при встрече их с жёнами, а то безудержное насилие варваров.

Вдруг мне привиделся мой край и дом моего детства. Это был дом моей бабушки. Ведь я родилась в городе, в Урмаке, нашей столице. Но ещё совсем малышкой родители отвезли меня к бабуле с дедом, Суюм-эдже и Баав-овецк, как их все уважительно называли, в степь. Там я и воспитывалась до школы, и впитала родной язык. А родители мои дома говорили на русском, и я, видимо, ещё младенцем что-то усвоила из него, так что, когда к школе меня забрали в город, я легко перешла на него. Тем более что в школе обучение тоже шло на русском, но при обязательном изучении урмацкого наречия. Вообще у нас в республике в этом смысле всё перепуталось. Детей называли кто на русский манер, кто по исконному порядку. Степняки больше, конечно, по-своему, а городские — по-русски.

Так и получилось, что я Гага, а три младшие сестры — Галина, Айша и Валентина. Гага это исконно урмацкое имя, а не калька Леди Гаги, которую я, кстати, очень люблю. И ещё есть два младших брата — Борис и Санджи. Видимо, родители хотели угодить своим предкам, оставив пару-тройку имён из шести принадлежащими родовой памяти. Впрочем, я своих сына и дочь тоже назвала по-разному: Баатр и Лиза. Вернее, Баатика так назвал мой тогдашний муж, помешанный на всём национальном, а на Елизавете настояла я, понимая, что ей придётся обживаться в русском мире. Ведь сейчас без высшего образования никуда, а всё образование у нас нынче русскоговорящее. В нашем улусе «вышка» очень ценится.

Улус это сейчас по-русски район. А раньше так называлась народность вместе со своей территориальной принадлежностью. А ещё раньше — орда, стойбище, собрание кочевых кибиток, стоящих кругом. Из них вышли хотоны, поселения с постоянными жилищами, ставившимися кольцом с площадью в центре. Мои бабка с дедом ещё застали такие глинобитные дома с крышей из соломы, на месте которых при советской власти выросли бараки на несколько семей и стали колхозами. Теперь колхозы пропали, а бараки остались. В одном из таких я когда-то и жила у деда с бабкой. От старой жизни в посёлке осталась только ступа. Я ещё совсем мелкой знала, что это такое, Суюм-эдже водила меня к ступе и учила молиться.

Когда я позже у мамы с папой стала читать русские сказки, меня поразила баба-яга, летавшая в ступе. Оказалось, что сказочная ступа это такая бадья, в которой сказочная бабка перемещалась в пространстве. А настоящая ступа это совсем другое: такое сооружение из двух-трёх как бы поставленных друг на друга всё меньших по размеру куба, верхний из которых увенчан, как шапка кочевника, копьёобразным навершием. А во внутренности верхнего куба под этим навершием, как правило — за стеклом, сидит маленький Будда. Не ребёнок, а маленькая фигурка, которой мы поклоняемся. Ступу ещё называют у нас субурган, но произошла она скорее всего из бурхана, горы камней, куда приходили как к месту поклонения своим богам наши предки.

А сейчас я стояла в доме бабушки, пронизанном солнцем, и держала в руках большую, как чаша, пиалу. В ней был квас. Одно время мы пристрастились к русскому квасу. Я кого-то ждала. И вот запахнулась дверь, и он вошёл. Сердце моё ёкнуло. Я его откуда-то знала. Молодой парень в национальном старинном костюме. Да это же Наяга из нарисованной Вадимом жизни! Наяга посмотрел на меня и улыбнулся, будто увидел родного человека. Я протянула

ему чашу. Он прищурился, словно смотрел на меня издали, потом подошёл, с поклоном взял пиалу — и немедленно выпил.

Акт девятый. В чужую жизнь...

В чужую жизнь мне заглядывать не впервой. И ни пространства, ни время не могут мне помешать. Даже исторические личности вроде Чингисхана для меня не загадка. Вот говорят, что он был жестоким и хитрым. Конечно, это правда. Но почему он стал таким? Ведь он не был таким от рождения. Он был чувствительным и любознательным мальчиком. Но после смерти отца оказался единственным защитником своей семьи. У Есугэя, его отца, было две жены. От одной, украденной у меркитов Оэлун, у Тэмучжина было три брата — Хасар, Хачиун, Тэмугэ — и сестра Темулун. А от второй, Сочихэл, ещё два брата — Бектэр и Бельгутэй. Все они, малолетние, вместе с обеими матерями оказались беззащитными перед ударами судьбы.

Как только они остались без отца-багатура, глава клана тайчиутов выгнал семью с насиженных мест. Более того — он отобрал весь принадлежащий им скот. После этого вдовы с детьми жили в полной нищете, скитаясь в степях впроголодь, питаясь кореньями и удачно пойманными дичью и рыбой. Именно тогда подрастающий Тэмучжин стал действительным главой семьи. Видя это, вождь тайчиутов Таргутай-Кирилтух, кстати, дальний родственник Тэмучжина, который объявил себя владельцем земель, принадлежащих Есугею, стал преследовать семью, надеясь уничтожить становящегося на ноги соперника.

И вот отряд Таргутая нашёл их в степи и напал на стойбище семьи Тэмучжина. Все бросились врассыпную. Юный вождь в очередном припадке паники побежал за ближайший холм, хотя это было безрассудным поступком: воины на конях легко нагнали его. К Таргутая его привели уже в колодках. Остальные члены семьи были главе тайчиутов неинтересны. Две стянутые верёвками деревянные доски, в отверстия которых просунули шею и руки пленника, не только не давали возможности пить, о чём единственно попросил скованный, но даже прогнать надоедливую муху, севшую ему на лицо. Пришедший в себя Тэмучжин, над просьбой которого о воде только посмеялись, сверлил ненавидящим взглядом дальнего родственника, а тот думал, как бы обставить смерть соперника видимостью справедливости. Ничего не придумав, он оставил решение до следующего дня.

Мысль о воде не оставляла Тэмучжина. Недалеко было небольшое озеро, поросшее по берегам камышом. Жажда вынудила его ночью, когда все недруги дремали, сползти вниз и припасть к воде. В это время один из его охранников очнулся и заметил, что пленника нет. Он поднял тревогу, и услышавший крики Тэмучжин понял, что сейчас его будут бить насмерть. В отчаянии он бросился в камыши и затаился, периодически, когда мимо проходил кто-то из разыскивающих его, погружаясь в воду вместе с колодкой, выставив наружу только ноздри. В этот раз судьба была к нему благосклонна. В темноте бегавшие охранники не замечали его. Правда, один из них, батрак Сорган-Ширы из племени сулдус, живший неподалёку, увидел прятавшегося, но не выдал его. Когда-то отец Тэмучжина спас Сорган-Ширу от верной гибели, и тот не забыл об этом.

Более того — он успокаивал Тэмучжина, несколько раз проходя мимо затаившегося в камышах пленника и делая вид, что со всеми ищет сбежавшего. Наконец охранники отделились от озера, и Тэмучжин, выбравшись из воды, скрываясь в ночной тени барханов, побежал к недалёкому жилищу Сорган-Ширы, рассудив, что раз тот не выдал его, то и теперь спасёт от гибели. Он видел, куда ушёл Сорган. Однако батрак, испугавшись, стал прогонять беглеца. И тут за него неожиданно вступились сыновья самого Соргана, Чилаун и Чимбай, которым тот неоднократно когда-то рассказывал, как его спас Есугэй, отец Тэмучжина. Устыдившись, батрак оставил беглеца на ночь, обсудив с сыновьями, как спасти его наутро.

Утром поиски были возобновлены. Воины Таргутая не миновали и жилище батрака. Однако Тэмучжин был наспех спрятан молодёжью под кучей тряпья, на котором они как бы спали, и опасность вновь миновала его. Когда шумиха, связанная с пропажей Тэмучжина,

утихла, семейство Сорган-Ширы снабдило его в путь не только кобылицей, но и оружием. Это в будущем зачлось им и было оплачено сторицей. В империи Чингисхана они были в привилегированном положении, например, Чилаун стал одним из нукеров Сотрясателя Вселенной. А тогда Тэмучжин благополучно скрылся из владений тайчиутов, нашёл свою семью и перекочевал с нею на новое место, куда преследователи уже не добрались.

Кстати, нукеры Чингисхана это, как говорится, отдельная песня. Тогда вся знать имела у себя на службе специфических воинов, которых называли нукерами. Это была, с одной стороны, личная гвардия хана, а с другой — нукеры были домашними приближёнными. В переводе с монгольского это слово означает «друг, товарищ, помощник», точно отражая смысл и значение этого явления. То есть это была и верная стража, и люди, с которыми при необходимости можно посоветоваться. Нукеров выбирали из числа самых близких и надёжных товарищей. Сначала они служили за снаряжение и содержание, за часть военной добычи, а с годами становились вассалами военачальников, получая за свою службу земельные участки вместе с крестьянами.

Одним из таких нукеров стал сын Сорган-Ширы Чилаун. Когда безвестный Тэмучжин стал полновластным Чингисханом, он стал раздавать соратникам привилегии и должности. Чилаун и его брат Чимбай получили сначала, как и все, право оставлять себе добычу после охоты и войны. А потом стали хозяевами собственных угодий. Более того — потомки Чилауна были основой династии Чобанидов, «державших», служа на высоких должностях, улус Холагу. Но мало этого — в Иранском Азербайджане ими было основано собственное государство. Дальновидный Чингисхан выбирал себе нукеров из разных племён. Самым первым его нукером стал Боорчу, с которым они были знакомы с детства.

Познакомились они при очень сложных обстоятельствах. Есугэй-багатур поручил малолетнему сыну присматривать за их табуном лошадей. Однажды лошадей увели конокрады, и Тэмучжин бросился за ними в погоню. Три дня и три ночи он шёл за ними по следу. А на третий день ему повстречался Боорчу, который тоже пас лошадей своего отца. Новый знакомый присоединился к Тэмучжину, и вместе они нашли и вернули украденный табун. С тех пор их связала крепкая дружба. И всё же Чингисхан проверял «на прочность» даже таких близких товарищей. Когда он стал в очередной раз раздавать привилегии и должности своим соратникам, он «забыл» про Боорчу.

На следующий день он послал к юрте обделённого товарища своего доверенного шпиона-соглядатая. Тот вечером вернулся к повелителю с таким рассказом. Шпион подслушал, как жена Боорчу стала упрекать Чигисхана в неблагодарности по отношению к её мужу, однако тот ответил, что служит Тэмучжину не ради благодарности, а по долгу верной дружбы, и будет ему служить при любых обстоятельствах. На следующее утро Чингисхан объявил всему войску, что Боорчу назначается командиром всех отрядов и становится правой рукой повелителя. С тех пор первый нукер Тэмучжина ходил во все походы Сотрясателя уже в качестве начальника всего войска. Кстати, наряду с Боорчу одним из первых нукеров Тэмучжина, ставших впоследствии полководцем, был Джелмэ.

Отец Джелмэ был кузнецом. Его звали Джарчиудай. Когда-то он отдал в услужение становящемуся известным Тэмучжину своего малолетнего сына. Возвышение Джелмэ тоже связано с украденным табуном. Лошадей увёл на этот раз Тайчар, младший брат тэмучжинова друга Джамухи. Это, кстати, стало ещё одним из обстоятельств, которые в будущем усложнили отношения между товарищами детства. А тогда за табуном бросился Джелмэ. И хотя Тэмучжин приказывал не конфликтовать с людьми из племени Джамухи, молодому преследователю пришлось не только драться с конокрадом, но и убить его. И хозяин не стал ругать его, а поощрил. Спустя много лет, в войне с тайчиутами, Чингисхан был ранен стрелой. Верный Джелмэ всю ночь выхаживал хана, и тот был спасён.

Почему Тэмучжин не хотел ссориться с Джамухой? Во-первых, они подружились ещё почти в подростковом возрасте, когда будущему Повелителю Вселенной было всего 11 лет. Во-вторых, его ровесник Джамуха был мальчиком знатного происхождения из племени джаджират, вождём которого он, повзрослев, стал. В-третьих, ещё в детстве Тэмучжин дважды становился андой, то есть побратимом Джамухи. Тот помог, как мы помним, новоиспечённому мужу вытащить из плена его любимую жену Бортэ. Да много в чём ещё помог. И всё же отношения их были не всегда равными, а иногда они просто становились противниками. Кстати, такие же непростые отношения связывали Тэмучжина и с Тоорил-ханом.

Когда юный вождь только входил в силу, Тоорил уже был одним из самых могущественных тогдашних степных вождей. Глава племени керейтов был побратимом отца Тэмучжина, и после смерти Есугэя юнец обратился к нему за поддержкой, принеся тому в дар соболью шубу. Откуда взялась шуба у бедного скитальца? Это была шуба Бортэ. Она оказалась у Тэмучжина в качестве приданого его наречённой невесты. Помогла ли шуба или сильнее оказалась память о бывшей дружбе с отцом-багатуром, но Тоорил-хан стал помогать Тэмучжину, и силы юного вождя стали расти и укрепляться. К нему стали стекаться воины, он умножал свои владения, табуны и стада, совершая набеги на соседние племена.

Хотя мир помнит Чингисхана одним из самых жестоких правителей, он не был так кровожаден, как ему приписывается. Более того — ещё с юных лет он старался оставить в живых как можно больше человек из улуса, на который он совершал набег, чтобы привлечь воинов противника в дальнейшем к себе на службу. А беспощаден он был к тем, кто его предавал, унижал или обманывал. Тогда месть его была безграничной. Племя тех же меркитов, угнавших в плен его юную жену Бортэ, он извёл, что называется, под корень. И немало других небольших народностей стёр он с лица земли. Эти кровавые расправы становились не раз сновидениями Вадима, который «подсел» на эти «живые картинки».

Смотря эти сновидения, он растворялся в них. Становился одним из беснующихся воинов или невозмутимых на вид вождей. И в то же время как будто его второе «я» наблюдало всё происходящее откуда-то сверху, безоценочно, безэмоционально решая, кто здесь прав, а кто виноват. Но это решение абсолютно не сказывалось на его дальнейшем поведении. Оно принималось априори. Это был какой-то высший суд сомнамбулического художника. А главное — он испытывал после пробуждения что-то вроде катарсиса. Но это был не просто светлый выход из тяжёлой, мрачной ситуации. Пробуждение в таких случаях было трудным, как приход в себя после приступа болезни. Но вскоре побуждало хвататься за кисть!

В этот раз Вадим ощутил себя в теле самого Тэмучжина. У гор Гулегу, между истоком реки Сенгур и верхним течением вод Онона, он отдыхал после гонки за угнанным Тайчаром табуном. Он не догнал брата Джамухи, но этого и не потребовалось. Навстречу погоне из-за горы выехал вместе с угнанным табуном верный Джелмэ. На крупе его коня к седлу был приторочен труп младшего брата Джамухи. Они тут же решили все вместе остановиться на отдых, так как наступала ночь, и расположились на ночлег между истоком Сенгура и рекой Онон. Они коротали время у костра за рассказом Джелмэ о стычке с Тайчаром. И тут на них из ночной тьмы напали спешившиеся всадники.

Это был его друг и побратим Джамуха со своими воинами, бросившиеся вдогонку за младшим братом, но остановившиеся, заслышав голоса, за склоном горы. У журчащей воды топота их лошадей не было слышно. Разведчики Джамухи, которых он послал проверить кто там, донесли ему, что его брата больше нет, что он приторочен к седлу Джелмэ, как туша барана. Рассвирепевший побратим Тэмучжина приказал тут же своим людям спешиться и в ночной тьме как можно ближе подобраться к отдыхающим. Они вылетели из темноты, как стая степных волков, и молча стали рубить и колоть расслабленных покоем и сытным ужином воинов. Скоро всё было кончено.

Это сражение Тэмучжин проиграл. Он успел сбежать с несколькими товарищами, но навсегда запомнил, как занёс над ним, споткнувшимся, кривой кинжал один из приближённых Джамухи, которого он неоднократно видел при своём вожде. И тут как всегда вовремя оказавшийся рядом Джелмэ в прыжке отбил руку нападавшего и, вертанувшись, полоснул тому по кадыку своей саблей. Однако поверженный Вадим заметил, как бешено горели отблеском походных костров глаза ночного «гостя», и по его шее прошла перехватившая горло судорога. Он вздрогнул и пришёл в себя. Шатаясь, он прошёл на кухню, схватил жестяную кружку, стоящую на холодильнике, нахлестал в неё воды прямо из-под крана, поднёс к трясущимся губам — и немедленно выпил.

Акт десятый. И ей ключом...

...И ей ключом никак не попасть было в замочную скважину. Потыкав несколько раз железкой в фигурное отверстие, она, матерно ругнувшись, сначала прислонилась спиной к стене, а потом сползла по ней, сев на пол. Её воспалённое алкоголем сознание рисовало сцены моего «предательства». Вот я приезжаю в свою «деревню», и меня, стоя в дверях, встречает улыбающаяся розовощёкая женщина. Она бросается мне на шею, жадно целует и уводит меня в глубь бревенчатой избы. Сейчас оттуда раздадутся сладостные стоны любовных утех. И эти потенциальные стоны разрывают Гаге сердце. Наверное, так напившаяся в очередной раз по этому поводу восточная ревнивица видит мои поездки к жене.

Жену мою Надю временно парализовало почти десять лет назад после инсульта. Мы с ней уже не жили. Отчасти в этом был виноват я. Мои загулы с временными подругами и запои с постоянными друзьями в близлежащих гаражах почему-то не улучшали наших семейных отношений. В конце концов я съехал в случайно арендованную у великого маэстро мастерскую и зажил практически беспутным весёлым холостяком, но тут её настиг удар. Это был апоплексический удар, и одновременно удар судьбы. После острого нарушения мозгового кровообращения приблизительно треть больных погибает в течение первых дней. К концу первого года число не переживших его достигает половины. И только пятая часть возвращается к прежней жизни.

Надя оказалась в этой пятой части. Однако никакой прежней жизни у неё уже не было. Ей нельзя было волноваться, поднимать любые тяжести, нагибаться и так далее по списку, исключавшему нормальную жизнь, но включающую ежедневную горсть таблеток, на которые уходила почти вся инвалидная пенсия. Детей у нас не было, оказалось, что она не могла их иметь в силу заболевания, перенесённого в молодости, о чём я не знал до поры до времени, а когда узнал, было уже поздно. Не то чтобы поздно, просто я её очень любил и уйти, чтобы завести наследника, не мог. Начал выпивать с друзьями в своей самодельной мастерской при доме. Они стали приводить своих подруг, и мы постепенно переместились в благоустроенные для разных целей недалёкие гаражи.

В общем это и развело нас. После переезда в мастерскую я стал практически столичным жителем. Хотя мы с Надей жили практически в Москве, сразу за МКАДом, в двухэтажном кирпичном доме, москвичами мы не были. Ни по паспорту, ни по духу. При нашей барачной квартире имелся небольшой земельный участок, часть которого я занял пристройкой под свою художественную мастерскую. Но основную его территорию занимал «огородный сад». Так я называл его потому, что помимо нескольких росших в нём плодовых деревьев там присутствовала пара-тройка грядок, которые «окучивала» Надя, а также натканные в каждом не занятом полезной растительностью уголке кусты обожаемых моей женой разнообразных цветов.

Свободным оставался только небольшой клочок земли, на котором стоял вечный, когда-то созданный второзэтажным соседом-сварщиком мангал, где мы изредка жарили шашлыки. Огородный сад был единственным преимуществом жителей первого этажа перед второзэтажниками, участки которым не полагались, но зато у них имелся «живописный обзор» на вечно живую магистраль на зависть нам, нижним. С тех пор многое поменялось. Соседа-мангалщика, с которым мы когда-то коротали выходные, давно нет на этом свете. Более того, и вторые этажи много лет как уже нежилые. Правда, там до сих пор обретаются бездомные кошки и — по зимам — бомжи. А «живописный обзор» на МКАД перекрыли огромным шумоизолирующим забором. Вот такая вот смычка города с деревней.

Надю навещала раз в несколько дней недалеко жившая от неё племянница. Она приносила кое-какие продукты и помогала по хозяйству. А я раз в одну-две недели навещался для более основательных дел. Во-первых — огородных. Надя никак не могла совсем без дви-

жения и продолжала «ползать» по участку, сажая кое-какую зелень и обрабатывая цветы. И все земляные работы мне пришлось взять на себя. Теперь во-вторых. Водоснабжение в квартире было самодельным. Когда-то мы на пару с соседом-мангальщиком «обзавелись» глубокой скважиной, куда спускался насос, качающий воду. Так как насос создавал давление, добывающее до второго этажа, можно было поставить водогрейную газовую колонку. Так у нас появилась холодная и горячая вода, как «у взрослых».

Однако всё хорошее имеет обратную сторону. Подземная вода так просто не давалась. Каждые одну-две недели надо было менять фильтр, стоявший в подполе. Смена фильтра была не столько трудоёмким сколько муторным делом. Надо было на карачках пролезать под полом, перекрывать воду в трубах, тянущихся от скважины, сбрасывать давление специальной кнопкой, сворачивать стеклопластиковый фонарь, в котором помещался сам фильтр, вытаскивать и промывать этот фонарь и менять фильтр на новый. А потом проделывать всё в обратном порядке, снова залезая под пол: устанавливать в фонарь фильтр, прикручивать стеклопластик, открывать краны и проверять пошла ли вода.

Далеко не всегда это получалось с первого раза. Резиновый уплотнитель на фонаре, попади в него какая песчинка или слегка неровно поставь его, переставал выполнять свои функции, и из-под него начинала или сочиться, или хлестать вода. Приходилось всё снова перекрывать, раскручивать, разбирать, промывать и устанавливать уплотнитель и собирать конструкцию заново. Иногда это приходилось делать не по одному разу. А каждую весну наступала ещё одна напасть. В подземных реках начиналось что-то вроде пополнения вод разными стоками, и в нашем источнике с насосом оказывалось песочное месиво. Фильтры забивались песком почти мгновенно. Приходилось устраивать сбросы.

Это значит, что по специальной отводной трубе необходимо было каждые несколько дней откачивать это месиво на наш приквартирный участок. Другими словами, надо было снова залезать под пол, перекрывать одни краны и открывать другие, при этом заранее оставляя открытыми, с хлеставшей из них водой, краны в доме. В общем только одного этого водного «развлечения» хватало на полдня. Но этим как всегда моё посещение не ограничивалось. Находилась ещё тысяча бытовых мелочей, которые требовали моего участия. Женщина остаётся женщиной даже после инсульта. И Надя всё время находила мне занятия: там подкрутить, там подмазать, там забить и так далее. Кстати — о забить.

Я забил на многие хозяйственные нужды гораздо раньше. Дай волю женщине, и скоро ты окажешься у неё на побегушках. И мелочные какие-то поручения никогда не кончаются, съедая всё твоё время, предназначенное для творчества. И даже любящая тебя женщина будет не помогать тебе в искусстве, а уводить от него. Ей главное быть. И вместе с цветами и нарядными подушками или шторами с ней в квартиру приходит её раскидистая сеть уловов и мелких вещей. И скоро уже все полотенцесушители или нечасто используемые краны завешаны её сохнувшими трусами и носками, бюстгалтерами и носовыми платками. Такова плата за женское присутствие в доме. Ну, это бы ладно, с этим можно смириться, к этому можно приспособиться. Но как смириться с тем, что главное в твоей жизни убирается на второй, а то и на десятый план...

Это было ещё одним обстоятельством в пользу того, чтобы уйти от жены в совершенно отдельную мастерскую. А теперь мне приходилось вновь заниматься этой хозяйственной рутинной. Как говорится: если не ты, то кто же. Мне было жалко Надю. Жалко нашей прежней любви, съеденной бытом и разнополым непониманием. Жалко времени, потраченного на любовные сотрясения и бытовые утрясения. Меня переполняли неисполненные мечты и неосуществлённые задумки. Я хотел свободы. И я ушёл в свободное плавание свободным художником. Денег я никогда не умел зарабатывать. Во всяком случае столько, сколько требуется женщине. А женщине их требуется тем больше, чем больше ты их приносишь. Замкнутый круг.

Теперь у меня были редкие выставки и редкие заработки, когда продавались одна-две картины. Но планку по ценам я не опускал. Я знал, чего я стою. И в карманах у меня было соответственно то густо, то пусто. Устраивать блатные знакомства и выставки по блату я не умел. Это мне претило как художнику. Это меня стесняло, не давало дышать и думать свободно. Хотя я понимал, что в современном мире всё так и делается — через блат, знакомства, имидж, рекламу, деньги. Но я знал, что настоящему таланту воля даётся сверху. Не в смысле — какого-то рода начальством, а в смысле — кем-то вроде бога. Воля творить и быть свободным. Но для этого ты должен быть чистым перед этим кем-то вроде бога. Тогда он и дарует тебе эту свободную волю.

И тогда вдруг находится у тебя какой-то почитатель, который скупает твои произведения, находится журналист, а то и целое издание, которое заинтересовывается твоим искусством, находится начальник от культуры, который зовёт тебя в разные предприятия, и так далее, и тому подобное. И когда Гага стала организовывать по своим каналам мои выставки и продажи моих картин, я решил, что это тот самый случай, когда на меня обратил своё внимание тот самый кто-то вроде бога, послав её в качестве своего представителя. Конечно, умом я понимал, что это просто участие влюблённой женщины, но мне хотелось верить, что это и божественное провидение.

С другой стороны, она уже заполучила не только номер моего мобильного, но и электронный адрес, и бомбардировала меня своими звонками и письмами, отвлекая от работы. А тем более спонтанными приездами, хотя они-то ещё приносили удовольствие. Этого-то я и боялся всегда, завязывая отношения с женщинами, будучи уже «свободным» художником. Само собой разумеется, что помимо организационных вопросов пошли уже разборки любовные. Собственно, дальше организационных вопросов дело и не шло. Шло постоянное обсуждение, куда можно предложить мои картины, к кому обратиться с этим, как себя вести при этом, но до реальных выставок дело пока не доходило.

Она всё время при этом звала меня куда-то на посиделки к своим друзьям или наоборот предлагала свозить её куда-нибудь. Куда ты хочешь? — спрашивал я. Но тут она удивлялась: ну ты же мужчина, ты должен предлагать! Я предлагал, но её мои предложения не устраивали. А потом я получал такие письма. Как говорится, стиль и пунктуация авторские.

«Знаешь, мне казалось, я нашла того, кого искала. Чтоб с кем было о чем поговорить, оторваться) иногда по душам, уметь проявлять чувства, петь песни, любить, целоваться просто так... Так еще лето! Романтическое лето! Пусть это всего три месяца, но оно было бы нашим. Я так думала. В мечтах и облаках витала... А столкнулась со стеной непонимания. Только сегодня ты пишешь — легкий депресняк. Какой может быть депресняк? Ты правильный человек, никого не обманул, никого не предал. Живи и радуйся. Я была уверена, что ты — это все. Я тебя долго искала. Но у меня было ощущение, что твой идеал женщины другой, а я — просто вариант на сегодня. Проявила инициативу прийти приготовить тебе и увидеть тебя, твой ответ — холодильник полный еды. Вчера после секса ты сказал, что надо реже встречаться (типа секс частый)). Мне кажется, ты все еще ту женщину любишь из Подмосковья. И я как ты боялась влюбиться и защищалась по-своему. «Ты встречаешь мои предложения в штыки...» — какие предложения? Ты все время говоришь, придумай выходные, что плакать хочется. Я-то могу придумать. Но я была бы рада, если ты сказал — буду рад видеть тебя рядом в эти выходные. Мы встретимся и придумаем что-нибудь — но этого не было. Заметь, я от тебя ничего не ждала и не требовала. Соглашалась со всеми твоими вариантами.

Наверное, нам с тобой надо поблагодарить судьбу что просто мы встретились и пообщались. И пожелать счастья друг другу. Напишешь когда-нибудь, я всегда тебе отвечу, несмотря на то, что дверь ты мне не открыл (я была в шоке. Впервые, можно сказать, я капитулировала, а мне дверь не открыли)))

Жизнь так коротка, что надо дорожить и мигом.

Думаю, сегодня у тебя была женщина, не будь эгоистом, окружай ее любовью и заботой, а женщина — мир перевернет для твоего благополучия.

Не пиши ничего, не отвечу. Это сегодня я как-то расчувствовалась, или я ожидала других чувств от тебя, но... селяви».

Вот идиотка! Приехала вчера, когда меня не было дома, спонтанно, не позвонив предварительно. Ломилась, видимо, в дверь, звонила на мой недоступный в метро мобильник, а потом гордо удалилась, решив, что я её не хочу видеть. И напилась. Она ещё стала напиваться. Со мной и без меня. И встречаться с друзьями без меня и напиваться. Видимо, это письмо и написано с похмелья. Я, конечно, и сам не белый и пушистый в этом плане, но я как-то держусь в подпитии — и на ногах, и в разуме, и в рамках приличия. Хотя вот сейчас хочется нажраться до усрачки. Выбила она меня опять из рабочего ритма. Я вышел в кухню, открыл холодильник, наплескал в стаканчик водки и снял верхний край оболочки яйца, посолил, взболтал и то и другое — и немедленно выпил.

Акт одиннадцатый. Просвеченным до края дна...

Просвеченным до края дна родниковым колодцем осталась в моей памяти окраина нашего посёлка. Мы с Суюм-эдже, как и все жители поселения, ходили сюда за водой. А иногда я прибегала к роднику одна и долго смотрела в чуть волнуемую маленьким фонтанчиком, бившем в одном из углов невысокого, расположенного в небольшой низине сруба, воду. Он взвизгивал у дна песчинки, и поверхность легко колебалась под отвесными солнечными лучами. Несмотря на жару, прозрачная жидкость, если зачерпнуть её у фонтанчика, всегда была ломяще ледяной. Но зимой тем не менее вода никогда не замерзала. Не раз ставимая над родником тростниковая крыша скоро сносилась степными бурями, довольно частыми в наших краях.

На железную крышу надо было сбрасываться всем жителям, но никто не хотел брать на себя такие денежные хлопоты. Хотя мы ещё числились в колхозе, наш председатель был озабочен тем, чтобы провести на территории общую водяную артерию, на которую выделялись финансы из района, а не возиться по мелочам. Осваивая большие деньги, всегда можно было найти способ наполнить и собственный карман, без разницы хоть воду проводя, хоть канализацию. Об этом говорили по вечерам бабушка с дедушкой, не обращая на меня, играющую в углу со старой куклой, внимания. Но если приходили старики-соседи, бабушка отходила в сторонку и только подавала им, когда громко, а когда тихо беседующим, чай.

Почему я это сейчас вспомнила? Что бабушка всегда уважала «территорию» деда... Понятно, что таковы наши исконные родовые правила, как себя вести женщинам и как мужчинам. Но может и я неправильно веду себя по отношению к Вадиму? А как себя ещё вести, если он совсем не обращает на меня внимания... Значит, я ему не нужна. Вернее, нужна только для одного. Чтоб потрахаться со мной и бежать к своим картинам. Мы с ним всё больше отдаляемся друг от друга. Он к моим друзьям не хочет ездить, а я к его не могу. Кто я ему? Как он меня будет представлять им? Вот моя подстилка? Или того хуже... Написала ему после очередного ухода письмо, сегодня получила ответ, как отлуп.

«Привет! Ты до сих пор слишком импульсивно меня воспринимаешь. У меня сейчас такая полоса наступила — лёгкий депресняк. Не хочется вставать с постели. Кстати, у меня за окном сейчас форменная буря: ураганный ветер, деревья до половины гнёт к земле и хлестанул дождь. Что касается встреч, то я думаю, что мы будем встречаться тогда, когда нам это удобно и этого хочется. При чём здесь какая-то обязаловка — по пятницам и так далее? Ты до сих пор встречаешь все мои предложения в штыки, во всем видишь какой-то подвох, что бы я ни сказал, выворачиваешь отрицательной стороной. Вспомни, я сказал, что тебе идет сегодняшний прикид, ты сразу ответила, значит, все остальные были плохими. И так во всем. Легче относиться к жизни. Впрочем в последнее время ты приходишь ко мне только переспать, а не ощутить жизнь вместе. Ты не предлагаешь, не договариваешься, а делишься информацией, что ты куда-то с кем-то собралась. Ходи куда хочешь, это твоя жизнь. Но тогда оставь мне возможность жить своей жизнью, когда ты не рядом со мной. Вот как-то так».

И это после того, как я измучилась, ожидая от него ответа. Ведь я написала ему свои предложения, как нам теперь встречаться, чтобы не ждать друг от друга ничего лишнего. А он мне нравоучения читает. Вот моё письмо. Что в нём неправильного?

«Добрый день, у меня есть время, решила написать тебе.

Подумала, все-таки, наверное, пора прекращать вот так импульсивно сжигать все мосты. Хлопанье дверью ни к чему хорошему не приведет. Вот обсудить совместные встречи надо бы. К сожалению, у тебя нет желания разговаривать со мной. Пыталась озвучить свои предложения (они встречаются без интереса и в обсуждение не переходят) — ты на своей волне и не желаешь меня услышать. Ты живешь своей жизнью и своими планами. У меня ведь тоже

своя жизнь и свои планы. Никого из своих мужчин я с собой никогда не звала на дружеские мероприятия: мужчины приходят и уходят, а друзья и хорошие знакомые остаются. И буду я каждому объяснять, куда он делся?

Можно так решить — встречаться по пятницам для посиделок и секса и я буду знать, что этот день у меня занят. Это вполне, думаю, устроит нас. Тогда таких обид, что я тебя не приглашаю с собой куда-то, не должно быть. На мое напоминание о поездке к друзьям 16 июля, ты сказал, что в этот день ты не можешь, я и подумала, зачем навязывать кому-то свои предложения и дополнила, что иду на премьеру спектакля 7-го.

Если есть желание, можешь присоединиться.

Пригласил меня знакомый режиссер. Знаю и актрису Елену Колыхалову. Они замечательные. Шампанское для них уже в холодильнике.

Так вот, если считаешь, что мы еще притираемся друг к другу и есть недопонимание в силу того, что многие вещи просто не озвучиваются нами, можем обсудить, как мы с тобой будем дружить или не дружить.

Хорошего дня!»

Как так получилось, что мы уже устраиваем какие-то разборки друг с другом... Ещё вроде бы недавно я предложила ему помочь с организацией выставок, с продажей картин. Водила своих друзей-знакомых к нему в мастерскую, заставляла его написать резюме о себе, сделать каталог своих работ, чтобы показывать в разных инстанциях. Всё это он делал как-то неохотно, хотя и не отказывался ни от чего. Я сама отредактировала его резюме, помогла с помощью дочери создать каталог, которым он совсем не был озабочен. Хорошо, Лиза сейчас с компьютерным дизайном освоилась и щёлкает разные такие дела как семечки. И друзья мои кое-какие из его картин приглядели. Правда, пока не купили, но мысль такая у них есть.

Особенно им понравился цикл из нескольких холстов, где рассказывалось о дружбе и вражде Тэмучжина и Джамухи. Вернее, рассказывал об этом Вадим, чтобы понятней было что изображено на полотнах. Как они сначала остались жить вместе в одной орде, где заключили союз побратимства, стали андами и обменялись золотыми поясами и конями. А потом, приблизительно через год, разошлись, что-то не поделив, а скорее всего — просто устав друг от друга. Так говорил Вадим. Я гордо сказала, что художник узнаёт, что происходило в стародавние времена просто настраиваясь на эту волну и засыпая. Вадим почему-то хмуро поправил меня, что в основном он всю информацию выискивает в интернете.

Что я опять сделала не так? Вот вечно он так со мной. Но гостям его рассказы понравились. Он говорил, что многие нойоны и нукеры Джамухи после их расставания ушли к Тэмучжину, и это послужило ещё одной из причин неприязни Джамухи к побратиму. Нойоны это уже не простые воины, а князья, господа со своими людьми. Поэтому Тэмучжин начал создавать свой улус и аппарат управления ордой. Старшими в ханской ставке были поставлены его первые нукеры Боорчу и Желмэ. А командовать войском он поручил Субэдэй-багатуру, который позже стал знаменитым полководцем при Чингисхане. К тому времени в его войсках насчитывалось 30 тысяч человек, то есть три десятитысячных тумена по тогдашним понятиям.

И вот как раз когда молодой вождь заканчивал создание своего первого улуса, пришёл со своим войском Джамуха, которому не удалось поквитаться с Тэмучжином за смерть младшего брата и прочие обиды. Пришёл и вновь победил Тэмучжина, которому не хватало пока опыта и моральных сил противостоять побратиму. Молодой хан был опечален тем, что ему пришлось опять скрываться от своего анды. И всё же мстить ему Тэмучжин не стал, а направил свои скоро вновь собранные войска против татар. Вместе с ним выступил и его пока ещё союзник Тоорил-хан. Татарам же в это время было совсем не до этих союзников. Они отбивались от пришедших на их земли воинов Цзиньского царства. Объединённые войска союзников-монголов примкнули к войскам Цзинь.

Уже по шипяще-звонящим звукам понятно, что это были китайцы. Придёт время, и Чингисхан покорит это китайское царство. А тогда они примкнули к войскам Цзинь и двинулись на татар. Идя в первых рядах, они нанесли противнику большой урон и захватили богатую добычу. Да ещё правительство царства Цзинь в награду за разгром татар присвоило степным вождям высокие титулы. Тэмучжин стал военным комиссаром, получив титул «Джаутхури», а Тоорил-хану присвоили титул князя, то есть он получил приставку «Ван», и с этого времени стал известен как Ван-хан. Тэмучжин стал вассалом Ван-хана, потому что Цзинь видела именно в нём наиболее могущественного из правителей Восточной Монголии. Тем не менее это сражение было первой большой победой будущего Сотрясателя Вселенной.

Ван-хан называл Тэмучжина своим сыном, однако их отношения были далеко не родственными. Как-то Ван-хан в одиночку, в смысле без Тэмучжина, совершил поход против меркитов, которых разбил и разграбил. Однако ничего из награбленного названному сыну Тэмучжину не досталось. Это стало одной из причин охлаждения их отношений. Но тут юному вождю представилась возможность поправить своё положение. Цзинь, разорив земли своих противников, ослабило контроль над ними. И Тэмучжин, воспользовавшись этим обстоятельством, занял восточные районы Монголии. В это время умирает глава найманского государства, и оно распадается на два улуса.

Во главе одного, на Алтае, становится Буюрук-хан, а другое, на реке Чёрный Иртыш, возглавляет Таян-хан. Тэмучжин, забыв свои обиды, зовёт Ван-хана и Джамуху, и общими силами они разбивают Буюрук-хана. Однако, когда победители возвращаются домой, путь им преграждает один из больших найманских отрядов, оставшийся во время битвы в стороне. Бой было решено провести утром, но ночью Ван-хан и Джамуха скрылись. Они сговорились, решив, что найманы покончат с Тэмучжином, а им достанется всё его растущее богатство и влияние. Однако ситуация развернулась совсем другим образом. Узнавший о бегстве союзников Тэмучжин, не вступая в сражение, уходит с поля боя.

И тут происходит совсем интересное. Вместо того, чтобы преследовать Тэмучжина, найманы бросаются вдогонку за Ван-ханом. Ещё немного и он будет наголову разбит. И тогда Ван-хан шлёт гонцов к Тэмучжину с просьбой о помощи. Тот, «забыв» о его предательстве, отправляет на помощь названному отцу своих лучших нукеров. Особенно тогда отличились Боорчу, Мухали, Борохул и Чилаун. Кстати, Борохул, завоевавший доверие молодого хана тем, что спас однажды его сыновей, позже будет назначен Тэмучжином командиром одного из четырёх его отрядов личной гвардии. А тогда под натиском нукеров найманы отступили. Обрадованный Ван-хан за своё спасение пообещал, что его улус после смерти перейдёт Тэмучжину. Однако пути их скоро опять разойдутся.

Постепенное возвышение Тэмучжина не давало покоя главам многих монгольских племён. Вскоре объединившиеся татары, тайджиуты, меркиты, ойраты, урмакцы и ещё несколько племён обратились к Джамухе, чтобы он стал их предводителем в битве против энергичного хана, и принесли ему клятву верности, возведя его на престол и присвоив ему титул гурхана. Узнавший об этом Тэмучжин снова обратился к Ван-хану, и тот сразу откликнулся, поднял своё войско и прибыл к нему. Кстати, этот титул — гурхан — носил до того глава каракитаев, возглавлявший конфедерацию добровольно объединившихся равноправных, но воинственных племён. Однако союз Ван-хана и Тэмучжина сразу охладил их пыл. До поры до времени распри были забыты.

И всё же этот союз просуществовал недолго. Спустя пару лет Ван-хан вновь воевал против Тэмучжина, причём объединившись с Джамухой. Он не хотел войны, но его уговорили собственный сын Нилха-Сангум и тот же Джамуха. Сын ненавидел Тэмучжина за то, что отец отдавал ему предпочтение перед Нилха-Сангумом и собирался даже передать ему престол. А давно затаивший ненависть к побратиму Джамуха утверждал, что Тэмучжин втайне обменивается послами с найманским Таян-ханом, чтобы напасть на них. Сражение произошло при

Харахалджит-Элетах, и удача сначала была на стороне противников Тэмучжина, он нёс большие потери. Но вскоре был ранен сын Ван-хана, и кереиты покинули поле боя.

Чтобы выиграть время, Тэмучжин стал рассылать своим противникам дипломатические послания, находя поводы, чтобы рассорить и Ван-хана с Джамухой, и Нилха-Сангума с Ван-ханом. В это время ряд других, ни к кому не присоединившихся племён создали коалицию как против Тэмучжина, так и против Ван-хана. Узнав об этом, Ван-хан напал первым и разбил их, после чего начал пировать. Когда об этом донесли Тэмучжину, он принял решение застать противника врасплох. Не делая даже ночных остановок, его войско настигло кереитов и наголову их разбило. Улус кереитов перестал существовать. Ван-хан с сыном успели бежать, но натолкнулись на караул найманов, и отец погиб. А Нилха-Сангум смог сбежать, но был убит позднее уйгурами.

Оставшийся один Джамуха примкнул к найманам. Он надеялся, что или Тэмучжин падёт от рук Таян-хана, или наоборот. Иртышский хан видел в Тэмучжине единственного соперника в борьбе за власть в монгольских степях. Узнав, что найманы думают о нападении, Тэмучжин решил напасть первым. Вскоре в начале лета около 45 000 его всадников выступило в поход. Войско Таян-хана поначалу отступило, решив заманить Тэмучжина в ловушку, но потом, по настоянию сына Таян-Хана Кучлука, вступило в бой. Однако найманы были разбиты, Таян-хан погиб, а самому Кучлуку с небольшим отрядом с трудом удалось уйти на Алтай к своему дяде Буюруку. Джамуха же скрылся ещё до начала ожесточённого боя, поняв, что найманам не победить.

После поражения найманов большинство воинов Джамухи перешло на сторону победителя. А самого Джамуху выдали Тэмучжину живым его же нукеры, надеясь выслужиться и этим сохранить себе жизнь. Однако хан-победитель сказал, что предатели ему не нужны. Нукеры Джамухи были казнены. А самое удивительное, что Тэмучжин предложил своему другу-врагу полное прощение и возобновление старой дружбы. Гордый побратим отказался, сказав по преданию:

— Как в небе есть место лишь для одного солнца, так и в Монголии должен быть только один владыка.

Он попросил лишь достойной смерти. Такой считалась казнь без кровопролития. Его пожелание было удовлетворено — воины Тэмучжина сломали Джамухе хребет. Вряд ли эта казнь намного гуманнее, чем кровопролитие, когда человека разрубали на куски, но таковы были обычаи тех краёв и того времени. Пленник перед смертью попросил лишь выпить архи — крепкой молочной водки. Тэмучжин сам поднёс ему пиалу. А Джамуха, взглянув на своего побратима, помедлил, обеими руками взял пиалу будто чашу яда, опрокинул в рот — и немедленно выпил.

Акт двенадцатый. Отвесным солнечным лучом...

Отвесным солнечным лучом стоящее почти в зените светило падало на большое прямоугольное зеркало, стоящее под углом на подоконнике. И, отражаясь, высвечивало на станке последнюю вещь Каракорова. Он специально установил так зеркальную поверхность, работающую как огромный фонарь, чтобы заметить любые маленькие огрехи в начале обработки холста или в процессе написания полотна. И хотя «фонарь» срабатывал только в солнечные дни, он оставлял его на подоконнике. Свет от лампочек, каким бы он сильным ни был, не давал такого ощущения свежести и первозданности картины как свет солнца. А Вадим всегда добивался эмоционального воздействия всеми возможными способами: не только сюжетом и рисунком, но и цветом и светом.

Этому учили, так сказать, отцы-основатели. Вадим попал в студию, которой руководили два оппозиционных, если можно так сказать, друга-художника. «Мы — официальная оппозиция», — говорил один из них, объясняя своеобразие своей студии. «Надо раскрепоститься. Писать от живота», — добавлял другой. Например, Пикассо, Матисс или Ван-Гог, чьи работы уже были признаны, не интересовали их как объекты познания. Они показывали приёмы современной живописи, рассказывая об условном цвете, динамической композиции или деформации пространства и знакомили с репродукциями неизвестных тогда в Союзе Полякова, Брака, Дюфи, Клее, Сутина, Бэкона.

Серж Поляков, сын киргизского конезаводчика, эмигрировал из Москвы, где он уже начал учиться живописи, в 1918 году. Несколько лет мытарств — и через Константинополь, Софию, Белград, Вену и Берлин он добрался до Парижа, тогдашней Мекки художественного искусства. Но, прежде чем он пришёл к нефигуративной живописи, ему пришлось играть на гитаре в парижских кабаре. Однако он продолжал учиться в различных художественных школах. Знакомство с Василием Кандинским, Соней и Робером Делоне, Отто Фрейндлихом привело его к абстрактным композициям. В 1962 году его работам был отведён зал на Венецианской Биеннале. Умер он признанным художником и гражданином Франции.

Лет десять назад из Музея современного искусства Парижа пропали пять картин. Похищение стало одной из крупнейших краж произведений искусства в новом тысячелетии. Оно явно было совершено по заказу, так как продать настолько известные полотна на аукционе невозможно. Одним из пяти авторов этих холстов был Жорж Брак. Вот такое неожиданное признание мировой славы. Вряд ли такое мог предположить мальчик, происходивший из семьи ремесленников и учившийся, как его отец и дед, на маляра и декоратора. Однако пришло время, и этот мальчик стал одним из известных последователей фовизма (было в начале XX века недолго такое направление в живописи), а затем вместе с Пабло Пикассо ещё и сооснователем кубизма. Поздний Брак — это летящая птица.

Сподвижником Брака по фовизму был и Рауль Дюфи. Они познакомились в Художественной академии в Гавре, куда Рауль ходил на вечерние курсы. Днём ему, выходцу из бедной многодетной семьи, приходилось подрабатывать, чтобы обеспечить себе пропитание. Сначала Дюфи пишет в импрессионистской манере, затем, познакомившись с творчеством Анри Матисса, переходит к исповеданию фовизма. Наконец он вслед за Браком становится кубистом, пытаясь раскрыть структуру формы предмета и отобразить её на полотне. В дальнейшем художник практикует разделение цвета и рисунка, но запомнился он скорее не этим, а огромным полотном площадью в 600 квадратных метров на Парижской международной выставке.

Был в друзьях с упомянутым выше Василием Кандинским и немец Пауль Клее, художник и график, теоретик искусства и одна из крупнейших фигур европейского авангарда. Начинал он с экспрессионизма, но прошёл последовательно через увлечения конструктивизмом, кубизмом, даже примитивизмом и сюрреализмом. Как и его друг Кандинский, преподавал живопись

в художественной школе в Баухаусе в Веймаре, а затем, когда школа переехала, в Дессау. После прихода к власти в Германии национал-социалистов уехал в Берн, где провёл последние годы. Его мучила тяжёлая прогрессирующая склеродермия, но он продолжал плодотворно работать. Оставаясь гражданином Германии, умер он в Швейцарии.

О Хаиме Сутине можно написать целый авантюрный роман. Это был, наверное, самый эксцентричный из всех упомянутых живописцев. Его внешнюю некрасивость скрадывала располагающая искренняя улыбка. Он родился в Белоруссии в бедной еврейской семье. Родители не хотели, чтобы он стал художником, и он убежал из дома. После рисовальной школы в Минске он едет сначала учиться в Вильно, а затем переезжает жить в Париж. Хаим так беден, что пишет картины голым, сохраняя одежду. Купленные для натюрмортов продукты он съедает сразу после того, как закончит холст. Наконец на него сваливается известность. Оккупировавшие Париж фашисты ищут его, чтобы уничтожить и художника, и его картины. Сутин болен, живёт на юге, ему нужна срочная операция. Друзья тайно, спрятав его в похоронном катафалке, везут его в Париж к хирургу, но он в пути умирает. Вот такая биография как сюжет для романа.

И наконец — Фрэнсис Бэкон, по-нашему — полный тёзка британского философа XVI — XVII веков. Однако Бэкон 20-го столетия — английский художник-экспрессионист. Излюбленная форма в творчестве этого живописца — триптих. Он говорил: «Я вижу изображения последовательно». Успех к нему пришёл как раз после выставочного триумфа триптиха «Три этюда к фигурам у подножия распятия», когда ему было уже 35 лет. В школе он проучился всего два года и долго не мог определиться с профессией. Его отец, отставной военный, застав Френсиса однажды наряжающимся в женские одежды, выгнал того из дома. Скитаясь по случайным знакомым, он стал действительным геем. Прожив очень насыщенную всякими неоднозначными событиями жизнь, умер Бэкон в преклонном возрасте признанным художником мировой величины.

О каждом из них можно действительно написать книгу, как минимум — монографию. Но Вадим не очень увлёкся фигуративной живописью, пойдя другой стезёй. Он, быстро пройдя ученический путь, понял, что нужно слушать только себя. Даже потеряв себя на этой дороге, ты обретаешь опыт. Потеря автономности своего «я», сопровождающая иногда творческий процесс, как понял Каракоров, не означает безумия, как, впрочем, и гениальности. Это нормальный ход вещей в искусстве. И ещё он рано понял, что искусство, и живопись в частности, имеет довольно много разных функций. Кто-то живописью украшает этот мир, кто-то исправляет его, а кто-то просто пытается его понять. И каждый художник видит эту функцию по-своему.

Но и те, и другие, и третьи должны пройти «начальную» школу и прийти к своей манере, к своему взгляду на мир. А этот взгляд художник может передать только через краски. Поэтому так важно уметь составлять смеси этих химических веществ под свою задачу. Например, для получения особых эффектов нужно добавлять особенные ингредиенты: для матовости — воск, для глянца — смолу, для разжижения краски — скипидар. Вадим всё больше склонялся к пастозной живописи. Это техника нанесения краски очень плотными и густыми мазками, которые создают эффект объёмности. Они не только усиливают ощущение материальности изображаемых предметов, но и подчеркивают динамику движения.

Конечно, в нынешних условиях более распространён акрил. У него большой плюс — быстрое высыхание. К тому же акрил податливо тянется за инструментом, сохраняя форму объёмных мазков. И всё же Вадим по старинке пользовался масляными красками. Эта техника, понятно, предъявляет свои требования к их свойствам. Материал должен быть достаточно густым, чтобы сохранять заданную форму, но при этом оставаться гибким, чтобы при высыхании краска не растрескивалась на поверхности, а красочный слой, несмотря на толщину, сохранял свою целостность. Подготовка таких красок, да и красок вообще это целое искусство. Главное — не забывать старинного правила: как можно больше краски и как можно меньше масла.

Когда работалось, Вадим словно заболел сладкой болезнью. Время переставало существовать. И хотя он по-прежнему ориентировался в бытовых проблемах, они становились лишь маловажным фоном. В голове всегда незримо (а иногда и зримо!) присутствовало главное — замысел. Он терпеть не мог, когда ему что-то мешало, и отключал, работая, мобильник и ноутбук. Но теперь Гага, объясняя, что он может понадобиться в любую минуту, уговорила его оставить мобильные средства связи включёнными. Вадим нервничал, но понимая, что она делает это для него же, не выключал их. А она каждую свободную минуту, которых, слава богу, находилось не так много, находила, что ему сообщить.

Когда пикал ноут, давая знать, что пришло письмо, Вадим обречённо вздыхал и шёл к «аппарату». «А завтра лето, — гласил текст, — сегодня его встречаю!» К письму была приложена фотка улыбающейся, приветственно машущей Гаги в модном, драном на коленках джинсовом комбинезоне. Она улыбалась во весь рот, а Каракоров, чертыхнувшись, отходил к станку. Но рабочий ритм был уже потерян. Понимая, что теперь придётся делать вынужденный перерыв, Вадим, успокаивая себя, возвращался к ноуту и набирал: «Хорошо выглядишь, встречая лето. Резюме посмотрел, спасибо, поправлю по твоим замечаниям. Не обижайся, что не зову к себе каждый день. Я пытаюсь войти в рабочий ритм, чтобы написать новую вещь, но пока плохо получается. Надеюсь, встретимся в четверг. Целую. Я».

Резюме на самого себя заставила Каракорова набросать Гага, но после этого прошлась по нему как редактор и внесла предполагаемые правки, которые отправила ему, так сказать, на утверждение. Этот «документ» нужен был для многих теоретических вещей в будущем, но и в настоящем тоже: она готовила неофициальный пресс-тур на Кавказ, куда хотела воткнуть и Вадима, дабы развеять нелюдима. Короче, отдохнуть за счёт приглашающей стороны. Почему неофициальный? Дело в том, что Гага действительно была на своём месте, то есть умела не только написать материал, но и организовать выезд целой группы журналистов на любой объект в пределах Российской Федерации.

У Балтагоевой был наработан достаточно большой список знакомств среди начальствующего и делового круга среднего, скажем так, пошиба. То есть тех, кто, поруководив на уровне областей и республик, закономерно уходил в бизнесмены. И когда кому-нибудь из этих людей нужна была неофициальная реклама, они обращались к Гаге. Она обзванивала своих знакомых журналистов, которые устраивали себе командировки от своих изданий, обещая привезти «новость». Все расходы оплачивала принимающая сторона, поэтому редакции легко шли на это. Собиралась пёстрая компания из пишущих и снимающих Гагиных друзей, куда в этот раз организаторша включила и рисующих, то есть художника Каракорова.

Она писала ему: «Добрый день! Пока есть минутка, я занимаюсь пресс-туром). С президентом компании мы обсудили и решили проводить тур 16—18 августа. Тебе решила отправить материал, который я готовила для одного журнала по итогам такого тура. Просто для ознакомления. И еще — я хотела бы чтобы ты сделал по итогам тура небольшой цикл рисунков и отправить на публикацию вместе с моим материалом в один из новостных изданий (могу и сама отправить). Согласен? С уважением, Г.Б.» Это «с уважением» давало понять, что письмо написано по заготовке на её рабочем компьютере. Вадим по привычке уже не обращал внимания на несогласования и ошибки. Далее прилагалась статья о винограде. Потому что в этот раз планировалось ехать в одну из кавказских республик, где один из бывших её министров стал большим виноградарем и производителем вина.

Так называемая личная жизнь Вадима и Гаги, казалось, устаканилась. Она теперь предварительно звонила, если хотела приехать, он с большим или меньшим удовольствием её принимал. Дело в том, что поездки его к жене в «деревню» ею воспринимались исключительно как измена, которую терпеливая Гага пока ещё допускает, но долго такое положение вещей, по её разумению, продолжаться не может. Она то демонстративно напивалась, то писала ему письма, что он должен признаться в прелюбодеянии: «Кстати, если ты напишешь честно, это

все, я восприму нормально. Не переживай. Я мысленно поблагодарив тебя за эти дни, спокойно и легко пойду дальше. И где-нибудь тихо отворится дверь...»

А он уже настроился на увеселительную поездку на Кавказ и новый материал для работы. Всё-таки в его жизни развлечений было мало. И тут почти каждый день тебе капают на мозги, и поездка в любой момент может сорваться. Каракоров давал слабину, звонил Гаге и приглашал её к себе. Тут они выпивали и трахались. Это, кстати, было немногим, что вполне устраивало Каракорова в отношениях с Гагой. Но теперь нередко после возлияний шли не постельные сцены, а ревнивые разборки, в результате которых Балтагоева вскакивала и уходила. Так произошло и на этот раз. Вадим даже не успел отследить тот момент, когда началась их перепалка.

После того как хлопнула дверь, он выматерился и направился знакомым маршрутом — к холодильнику, куда успел убрать водку. Взял большой гранёный стакан, налил до половины, приготовил занюхать хлеба — и немедленно выпил.

Акт тринадцатый. Казалась жизнь...

Казалась жизнь мне иногда подарком, а временами наказанием божьим. Те же встречи с Гагой были иногда божественны. В постели она была проста в использовании и податлива, как автомат Калашникова. Говоришь «спустись», и она послушно сползает на уровень твоих коленей и устраивается меж твоих ног с твоим членом во рту. И начинается священнодействие! Да как упоённо она это делает! Я не всегда так заканчиваю. Ей тоже должно быть сладко. Я сажаю её на свой фаллический монумент, и тут она, кажется, соединяется с небесами. Она в раю. Она раскачивается в позе наездницы из стороны в сторону, и глаза её временами закатываются под веки. «Как ты сладко это делаешь, — шепчет она. — У меня бабочки порхают в животе».

Эти пресловутые бабочки уже намозолили мне мозг. Теперь это выражение применяют все кому не лень. А вообще это английская идиома, переведённая дословно. Причём у британцев изначально «бабочки» появлялись от страха, но так как эти летающие цветастые крылышки клонят к романтике, красивое выражение стали использовать влюблённые. Когда человек влюблён, то его организм реагирует на это своеобразно: начинается огромный выброс так называемого гормона счастья — дофамина. В теле ощущается внутренняя щекотка или небольшие периодические покалывания, а иногда даже кажется, будто внутри что-то сверкает. У влюблённых женщин это может происходить даже просто от мысли о своём избраннике.

И я бы рад был, если б эти Гагины крылышки помогали мне жить. Другими словами, если б Балтагоева была действительно влюблена в меня. Ведь что означают «бабочки»? На физиологическом уровне — желание интимной близости с любимым человеком, вызывающее прилив крови к низу живота, что и даёт такой эффект. А на психоэмоциональном — привязанность к «объекту», которая слегка притупляет сознание. Тут учёные мне не дадут соврать: организмом вырабатывается окситоцин, этаким любовный гормон, который искажает критерии оценки «объекта», заставляя идеализировать его. Так как в таком состоянии не замечаются плохие качества любимого, то и не возникает споров, а вот положительные качества возводятся в абсолют.

Как бы не так. Никакие бабочки не мешают ей через несколько минут, когда любовная лихорадка закончилась оргазмом, начать капать мне на мозги, что скоро доводит до спора. Но это будет через несколько минут, а пока я в ритме танца натягиваю её, сидящую на мне, то подтягивая, держа за уже слегка расплывшуюся талию, вперёд, то отталкивая назад. Она елозит вместе с моим дружком в вагине туда-сюда-обратно, когда тебе и мне приятно. Из меня уже высосаны и в прямом, и в переносном смысле все соки, а потому мой организм долго собирает силы и копит сперму, чтобы вяло выплеснуть её в её лоно. Я уже привык к этим однообразным движениям, и мой мозг работает совсем в другом направлении.

Я думаю о незаконченном холсте, стоящем на моём мольберте. Время Чингисхана не отпускает меня. Собственно, в Чингисхана из Тэмучжина он превращается после курултая, собранного весной 1206 года у истоков реки Онон. Здесь он, провозглашённый великим ханом над всеми племенами, получает титул «каган» и принимает имя Чингис. Оно переводится как повелитель воды, а вернее — повелитель бескрайнего как море. И действительно — монгольские кочевые племена, соединившись в неделимое государство, становятся грозными, но упорядоченными волнами на бескрайнем море пустынного пространства. Объединяет эти пространства и племена и новый закон Чингисхана — Яса.

Основными в Ясе стали статьи о взаимопомощи в походе и запрещении обмана доверившегося. Нарушителей просто казнили, а при этом врагов, если они оставались верны своему правителю, щадили и готовы были принять в своё войско. Были определены добро и зло. Добро — это верность и храбрость, зло — это трусость и предательство. Чтобы ослабить племенные разногласия, Чингисхан провёл реформы: он поделил всё население на десятки, сотни,

тысячи и тумены-десятитысячники. В перемешанные таким образом племена и роды назначались командирами люди из числа его приближённых и нукеров. Все мужчины, которые в мирное время вели своё хозяйство, при военной необходимости брались за оружие.

Сформированные таким образом войска Чингисхана уже выросли до численности под сто тысяч воинов. Великий хан оставался собственником всей государственной территории, но при этом наделял своих нойонов землями. За это они обязаны были выполнять определённые повинности, главной из которых была воинская. Каждый нойон по первому требованию выставлял оговорённое число воинов. В самом низу «табели о рангах» стояли араты, кочевники-скотоводы, которые «прилагались» к территории, отданной нойону в управление. В общем те, которых и называют «простой народ». Но они же и воины при нужде. А нужда эта при Чингисхане возникала часто.

Нойоны отдавали аратам на выпас свой скот или эксплуатировали на других работах. В общем это были монгольские крепостные, которым самовольный переход из одного десятка или тумена — без разницы — был запрещён. Заслушание грозила вообще смертная казнь. При этом мелкие нойоны, руководившие десятками или сотнями, служили под началом более крупных, владеющих тысячами и туменами. Достаточно крупным князем-нойоном стал к тому времени, например, военачальник Наяга. В нём было то, что сейчас называют харизмой, а кроме того ум, тактичность, хладнокровность, честь, дисциплина и, самое главное, великодушие. А Чингисхан ценил такие человеческие качества.

Великий хан притягивал к себе множество людей: бывшие рабы становились полководцами, а вчерашние враги — верными соратниками. Те племена и народы, что оказывали ожесточённое сопротивление Чингисхану из-за недалёковидности своих лидеров, ждала ужасная участь. Но были и вожди, которые, будучи мудрыми правителями, становились под знамена чингисхановой империи. Среди таких и был предводитель урмацких племён — Наяга-беки. Когда многие племена Великой степи были смешаны между собой, урмаццы держались несколько обособленно. Добровольный приход Наяга-беки Чингисхан оценил очень высоко. Это позволило Наяге породниться с Домом Чингисхана, и представители урмацких родов стали занимать высокие государственные посты.

Наяга стал одним из приближённых людей Великого хана. Придёт время, и он вместе с Мухали, одним из четырёх самых близких нукеров Чингисхана, примет участие в покорении Северного Китая. А пока Повелитель Вселенной создал себе личную гвардию, так называемый кешик — вооружённый отряд телохранителей, пользовавшийся исключительными привилегиями в борьбе против внутренних врагов. Таких же завёл себе через несколько столетий наш Иван Грозный, звали их опричниками. А у Чингисхана вначале в отряде числилось 150 кешиктенов. Кроме того, был создан особый отряд, который должен был всегда находиться в авангарде и первым вступать в бой с противником. Он был назван отрядом богатырей.

К реформам Чингисхана можно отнести также создание сети линий сообщений, крупномасштабной курьерской связи для военных и административных целей, организацию разведки, в том числе и экономической. Великий хан разделил страну на два «крыла», которые возглавили наиболее верные и испытанные сподвижники: во главе правого стал Боорчу, во главе левого — Мухали. Должности и звания высших военачальников — тысячников и темников — он сделал наследственными в роду тех, кто своей верной службой помог ему овладеть ханским престолом. Мухали, кстати, стал во главе остатков китайской империи Цзинь, найдя, правда гораздо позже, в Китае свою смерть.

После курултая монголы во главе с Чингисханом в течение нескольких лет подчинили себе все основные племена и народы южных земель Сибири, обложив их данью. На очереди была территория северного Китая. Перед её покорением Сотрясатель захватывает сопредельное, лежащее между монголами и империей Цзинь, государство тангутов Си-Ся. Чингисхан ещё считается вассалом цзиньцев, однако в его голове уже строятся планы по их покорению. И

тут умирает китайский император, а новым государем провозглашают человека, который ещё до восшествия на престол ездил к монголам послом и не нашёл с Чингисханом общего языка. Поэтому Великий Монгол отказывается кланяться новому императору.

Он говорит: «Я считаю императором в Срединной равнине того, кто отмечен Небом. Но ведь этот же является заурядным и робким, как такому кланяться!» Новый глава китайцев сгоряча хочет объявить монголам войну, однако, подтверждая характеристику Чингисхана, не решается это сделать. Сотрясатель тоже думает о войне с китайцами, но решает не горячиться, а сначала лучше подготовить войска. Вскоре на сторону Чингисхана добровольно переходит глава уйгуров Барчук, который давно враждовал с «сисястыми» тангутами. Уйгуры страдали и от кара-киданей, с которыми воевал Сотрясатель. В результате под контроль монголов без войны попали богатые и стратегически важные земли. В этом же году Чингисхану добровольно подчинились тюрки-карлуки, кочевавшие по рекам Или и Чу у озера Балхаш.

О цзиньской армии к тому времени устоялось мнение как о непобедимой. Она подразделяется на пехоту и конницу. Пехотные соединения имеют много частей, набранных из китайцев, бохайцев и корейцев, а конница, составлявшая костяк регулярной армии, в основном чжурчжэньская и киданьская. К тому же чжурчжэньская армия располагает артиллерией. По своим боевым качествам и количеству воинов цзиньская армия считается сильнейшей не только в своём регионе, но и в мире. Однако воины в эту армию набираются принудительно, а потому формирования часто неустойчивы. Представители покорённых народов не желают воевать за империю и легко сдаются в плен.

Всё это подтверждается спустя несколько лет, когда Чингисхан решает, что пора войны с китайцами настала. Он захватывает приграничную крепость и проход в Великой Китайской стене, вторгаясь непосредственно в Цзинь. Гарнизоны сдаются без боя, часть китайских полководцев переходит на его сторону. Проведя свои войска в глубь континента, Сотрясатель устанавливает свою власть над центральной в империи провинцией. Утвердив своё положение вдоль всей Великой Китайской стены, осенью Чингисхан посылает три армии в разные концы Цзиньской империи. Первая, под командованием трёх его сыновей — Джучи, Чагатай и Угэдея, направляется на юг. Другая под предводительством братьев и полководцев Чингисхана двинулась к морю — на восток. Сам Сотрясатель и его младший сын Толуй во главе основных сил выступили в юго-восточном направлении.

Первая армия захватила по пути двадцать восемь городов и присоединилась к Чингисхану на Великой Западной дороге. Вторая «приватизировала» земли провинции Ляо-си, а сам Чингисхан закончил свой триумфальный поход лишь достигнув морского скалистого мыса в провинции Шаньдун. Весной он заключил с покорённым императором мир, оставив ему Пекин, и хотел вернуться в Монголию. Как только предводитель монголов двинулся назад, к Великой Китайской стене, посрамлённый император перевёл свой двор в город Кайфын, подальше от бывшей резиденции. Такой демарш был воспринят монголами как проявление враждебности, и они повернули вспять — в империю, теперь обречённую на гибель. Война продолжилась.

Кстати, моя «постельная война» с Гагой тоже всё продолжалась. И на моих самодельных полотах, и в моём мозгу. Я машинально возил её, сидящую на мне, туда-сюда и уже жалел, что я такой «справедливый», то есть «должен» воздать ей за её старания её оргазмом. Она закатывала глаза и даже кусала губы. Мне всё уже было знакомо и скучно. Вот она на миг застывает, а потом коротко взвизгивает, утробно ухает и валится на меня. Наконец-то! Свершилось! Отдышавшись несколько минут, Гага сползает вниз по моему телу и устраивается в паху. Мой дружок за это время стал совсем никаким. Однако теперь моя очередь получать свою дозу удовольствия. И Гага исполняет свою партию исправно и со старанием.

У меня приближаются недолгие секунды томления, и наконец наступает миг сладостной разрядки. Гага на какое-то время остаётся лежать с членом во рту, а я, покорчившись в при-

ятных судорогах, сворачиваюсь улиткой. Глаза немедленно слипаются. И вот я проваливаюсь в сон. Незаконченный холст, стоящий на станке, во сне вдруг обрёл чёткие очертания. Я видел развитие ситуации, когда Наяга в компании с Хулан оправдывались перед сидящим на троне повелителем монголов. Вернее, это не развитие той ситуации, это совершенно иная встреча нойона и его повелителя. На новом холсте Наяга стоял без Хулан. Он спокойно смотрел в глаза Чингисхана, который тоже принимал его стоя. Сейчас разговор был совсем не таким, как много лет назад.

— Помнишь ли, повелитель, — сказал с поклоном Наяга, — как я привёл тебе твою жену Хулан?

— Конечно помню, Наяга-беки, — ответил Чингисхан. — И помню, как ты служил мне, и как отлагался от меня, и как возвращался.

— Прости меня, повелитель! — склонил голову Наяга. — Я давно весь твой.

— Верю и знаю, — произнёс первый из монголов и, зачерпнув из походного казана кумыс в большую пиалу, протянул её своему верному слуге. Наяга-беки, не раздумывая, взял пиалу, низко поклонился, легко разогнулся — и немедленно выпил.

Акт четырнадцатый. Была ясна...

Была ясна картина мира, как стены собственной квартиры. Откуда эти строчки? Не помню. И собственной квартиры у меня нету, во всяком случае в Москве. В Урмаке, столице нашей, есть, а здесь нету. И картина мира в очередной раз разрушается. Ну почему всякий раз, как я встречу и полюблю какого-нибудь человека, скоро всё начинает рушиться? Чего ему всё не так? Почему я становлюсь так зависима от него? От того, как он себя ведёт. Неужели он не понимает, что любое его резкое слово, не говоря уже о поступке портят мне настроение на весь день! И у меня на весь день забита голова этими противными мыслями, как бы ему досадить, чтоб он увидел, что я тоже живой человек.

Мне кажется, что я стала жить его заботами, его настроением, его работами. Даже сны мы стали видеть одинаковые! Правда, Вадим мне многое рассказывал, когда я спрашивала его о том, что он сейчас пишет. Он вздыхал, отвлекаясь от работы, но ничего не говорил мне в укор, а начинал целое повествование о монгольской истории и завоеваниях Чингисхана. Мне это было тем более интересно, что когда-то наши предки жили именно на территории той огромной империи. Она раздвигалась во все четыре стороны света. Покорив северные народы, Чингисхан двинулся на юг, в Китай. И было столько всяких походов, набегов, побед над китайцами и поражений от них, что у меня всё смешалось в голове.

Мне запомнилось только, что война с чжурчжэнями, которые составляли основную часть противостоявших войск, продолжалась и после смерти Мухали, посланного утвердить власть монголов в Китае, и после гибели самого Чингисхана. Чжурчжэни это вообще племена, которые населяли тогда земли и Маньчжурии, и Китая, и даже Кореи и Приморья. И государство их просуществовало более ста лет, а разрушено было как раз нашествием монголов. Потомками чжурчжэней, как выяснили учёные, нынче являются маньчжуры, нанайцы, удэгейцы, дауры, часть эвенков и бурят. Кстати, некоторые роды чжурчжэней вошли и в состав монголов — понятно, что во времена Чингисхана.

Откуда Вадим столько знает про это? Вот, например, он мне рассказывал про один набег на Поднебесную, когда империя Цзинь была уже морально разбита и готова к перемирию. Хотя монгольские полководцы и уговаривали Чингисхана воспользоваться моментом и взять их столицу, он всё же предпочёл заключить перемирие. Может, его соблазняли условия: он получал в жёны цзиньскую принцессу и огромную дань в виде золота, шёлка, пятисот юношей и девушек и трёх тысяч коней. Во время выезда из северных пригородов той столицы в сторону монгольских степей Сотрясателя почётно сопровождал цзиньский канцлер со всей своей свитой. А сколько за это время перешло к монголам цзиньских перебежчиков...

Вадим помнил даже конкретные цифры. Пока вернувшийся к себе Чингисхан находился в Средней Монголии, обдумывая уже покорение Средней Азии, его союзники и вассалы перемалывали силы чжурчжэней. На сторону монголов перешло 862 цзиньских города. К монголам переходили со своими войсками и китайские военачальники, и их бывшие киданьские союзники. Нескольких перешедших командиров назначили темниками в корпусе Мухали. Верный нукер Мухали был из так называемых чёрных татар. Он не сбивал макушку, как делали другие татары, только обвязывал голову платком. За последние десять лет он совершал по личным указаниям Чингисхана карательные походы на восток и на запад, на юг и на север.

Все важные дела, относящиеся к набегам и войнам, решаются Мухали лично. Поэтому его называют временно замещающим императора, как величают теперь Чингисхана. В должности главнокомандующего войсками в Поднебесной ему помогает знание языков различных стран и народностей. Ведь в бывшей китайской империи нет порядка. В стране бушуют восстания местного населения, включающего самые разные племена и сообщества. Самопровозглашённые армии «Красных курток», «Чёрного знамени», «Красных повязок» и других

полубандитских формирований оказываются везде, где можно поживиться хорошей добычей. Некоторые из них насчитывают до ста тысяч человек. В одном из сражений с повстанцами чжурчжэни потеряли, например, 30 тысяч солдат только убитыми.

Везде, где Мухали наводит порядок, его сопровождает в качестве правой руки верный Чингисхану урмацкий нойон Наяга. Сотрясатель назначает своего нукера Мухали полноправным наместником-гованом, то есть «князем страны», и выделяет ему 23 тысячи воинов регулярного монгольского войска. К ним же присоединяются перешедшие на сторону северных степняков чжурчжэньский и киданьский корпуса численностью тоже в несколько десятков тысяч. Монголы всё больше привлекали в состав своих сил местных жителей, и формировали из них целые армии, но при этом им приходилось каждую осень выступать в поход на земли, ещё не признавшие их власть.

Часть карательных набегов на неприятеля осуществляет Наяга. Он разбивает отдельные части чжурчжэней, пытающихся сопротивляться, и принимает капитуляцию от переходящих на сторону монголов местных феодалов. Кстати, некоторые из этих феодалов банально откупаются от нападавших. Рассказывая об этом, Вадим качает головой, будто удивляясь и заново переживая этот факт. Он теперь увлечён почему-то именно Наягой. Уже несколько эскизов посвящено этому урмацкому нойону, что мне очень приятно, даже лестно. Мне по-прежнему, как в первый раз, хочется подойти к Вадиму и обнять, взъерошить его короткие волосы, но что-то удерживает меня. А должно быть, казалось бы, наоборот. Чем дальше, тем ближе.

Мне вообще непонятно, что происходит у нас. Вроде бы я уже знаю все его привычки и кавычки, в том смысле, что то, что он говорит, надо понимать по-своему, а не впрямую. И когда он, сурово сдвинув брови, изрекает, что ему пора меня бить за то, что я слишком много вольностей себе позволяю, я знаю, что он меня и пальцем не тронет, но кое-что нам надо пересмотреть в наших отношениях. Например, он терпеть не может, когда от меня пахнет табаком. Или когда я выпью на работе. А я что, виновата, что у нас такой дружный коллектив, и мы отмечаем все праздники и дни рождения культурными посиделками? Никто ж не напивается до упаду. Ну, после выпивки, понятно, перекурим новости да сплетни.

— Ты опять напилась и накурилась, — констатирует Вадим, когда я, радостная, появляюсь в дверях мастерской. Ну вот откуда он сразу это чувствует?

— Знаешь что, я детей вырастила, теперь делаю что хочу. Хочу пью, хочу курю, — моё радостное настроение сразу улетучивается. Опять эти нотации. — Я кроме себя никому плохо не делаю.

— Делаешь. Мне ты плохо делаешь! — он уже на повышенных тонах. А что я ему плохого сделала?

— Мы пили сухое, ты же знаешь, я люблю хорошие вина, а у Ленки Молодцовой сегодня день рождения. Она накупила моего любимого — и французского, и итальянского, и португальского. Не для меня, а вообще. Я же не хлещу дешёвую водку, как ты, — не удержалась я от укола в его адрес. Пусть знает, что меня нельзя так просто обижать.

— Это ты-то не хлещешь? — парирует он. — А кто в пятницу напился моей дешёвой водки до поросячьего визга, а потом болел все выходные? Ведь всю бутылку выхлестала...

— Ты сам виноват, это ты довёл меня до этого! — теперь уже я начинаю заводиться. — Зачем ты сказал, что мне надо реже приезжать к тебе? Что, хочешь приводить своих шлюх? Хочешь, чтобы я ушла, скажи! Я и сама уйду.

Я разворачиваюсь и направляюсь к двери, но Вадим догоняет и больно хватает меня за руку у локтя:

— Ладно, не пори горячку! — и прижимает к себе. И я плачу. А потом, успокоившись, говорю:

— Кстати, вчера после жаркого дня ты мне не предложил даже мороженого с шоколадом...

Вадим молчит, огорошенный таким оборотом дела. Он мне никогда и не предлагал. А я продолжаю развивать наступление:

— И ещё я видела сон про тебя. Мы с Леной Молодцовой где-то в гостях и собираемся домой. Чтоб забрать свои вещи, мне необходимо пересечь ещё одну комнату. Захожу туда тихо, вижу, ты спишь вместе с женой, замечаю, что как-то странно: буквой Г. Ты прямо, а она головой к твоей голове, но поперек. Я из другой комнаты тихо забираю вещи и при выходе за дверь слышу: она увидела. Решительно открываю дверь и говорю: не переживайте, мы уже уезжаем. Обхожу этот дом. Там возле уличного душа стоит Лена. Она мне первой предлагает идти в душ. Захожу, открываю кран... и тут я просыпаюсь от шума дождя. Сверкала молния и гром гремел. Встала, закрыла окно и пошла спать дальше...

— Интересно, ты же мою жену никогда не видела. И к чему этот сон?

— Не знаю, надо сонник посмотреть. Ну, не видела, и что? Я же знаю. Я вообще-то про другое хотела тебе сказать. Про наш пресс-тур. Нужны твои паспортные данные для аккредитации и покупки авиабилетов.

— Тебе на бумажке написать или по мейлу прислать?

— Как хочешь. Кстати, я тут на бумажке тоже кое-что тебе принесла. Из инета распечатала. Радуйся!

Я протянула ему распечатку, которую сделала во время бездельного окна на работе. Ведь он так любит, когда я делаю ему минет. Я пошла на кухню, а он углубился в чтение.

Исследование: Сперма «полезна для здоровья женщин и помогает бороться с депрессией»!

Мужчины — радуйтесь!

Хорошие новости для мужчин (и женщин), в результате нового исследования было обнаружено, что оральный секс является в буквальном смысле полезным для здоровья женщин и заставляет их чувствовать себя счастливее. В сперме содержится широкий спектр химических веществ «укрепления психического благополучия и чувства привязанности», так говорят ученые.

Исследования показывают, что сперма на самом деле содержит химические вещества, которые буквально поднимают настроение, увеличивают привязанность, улучшают сон и даже содержат по крайней мере три антидепрессанта! Также учёные утверждают, что женщины, которые постоянно имеют незащищённые половые контакты, являются менее подавленными и даже лучше работают.

Сперма содержит такие химические вещества как кортизол, который увеличивает привязанность, эстрон, который поднимает настроение и улучшает самочувствие, и окситоцин, который также поднимает настроение и общее психическое благополучие. Но это ещё не всё, она также содержит тиреотропин, что является ещё одним антидепрессантом, мелатонин, который также улучшает сон, и серотонин, который, вероятно, является самым известным антидепрессантом в мире».

— Ну вот видишь! — сказал Вадим, появляясь на кухне и потрясая бумажкой.

— Вижу, — ответила я, и мы пошли в комнату. Я держала в руках сковородку с яичницей и наскоро настроганный салат из овощей, а он две бутылки: одну со своей водкой, а вторую — с хорошим португальским сухим вином. Когда у него продаётся картина, он расщедривается на такие приятные подарки.

— Дорого взяли? — спрашиваю я о покупке полотна.

— За двести баксов, — не удивляясь, отвечает Вадим.

— Значит, гуляем?

— Слушай, а что мы в духоте? Давай на природу!

На природу — это значит на крышу. У него откуда-то ключи от железной решётки, перекрывающей лестницу на площадку крыши, и даже складной туристический столик с такими

же стульями, припасённый в «скворечнике» на выходе. Он отомкнул замок, и мы быстро перетаскали всё съедобное хозяйство наверх, развернув туристические принадлежности. Солнце уже сваливалось за высотные дома на горизонте, и воздух свежел. Пока я расставляла и кое-как сервировала стол, Вадим разлил спиртное: себе в стеклянный стаканчик, а мне в высокий хрустальный бокал. Чего только у него нету...

— За тебя, за нас и за Кавказ! — сказал он, звякнул, не дожидаясь меня, своим стеклом о мой хрусталь — и немедленно выпил.

Акт пятнадцатый. И ширь её...

И ширь её степей, и высота холмов, и зелень трав по весне, и пасущиеся табуны лошадей, или — напротив — жуткое величие пустыни, в которой, вроде бы, не должно остаться ничего живого, — всё радовало глаз и умиляло душу Чингисхана в родной Монголии. Со стороны пустыни здесь постоянно дуют обжигающе-сильные ветра. Растительности почти нет, за исключением короткого весеннего времени, когда в степи пышно разрастаются травы и алые маки. Ледяной ночной холод зим сменяет утренняя солнечная сухость вёсен, а затем и летняя, удушающая дневным зноем, жара. За год разница температур достигает 70, а то и 80 градусов по Цельсию. И всё же это мило сердцу настоящего монгола.

Казалось бы, как тут могут выжить лошади, пасущиеся табунами в распадинах между холмов и зимой, и летом? Ведь летом дожди почти не идут, а зимой снег быстро тает или сносится ветром. Зимней порой лошади для утоления жажды едят этот снег, а насыщаются, вырывая из-под него присыпанную песком пожухшую траву. Может быть, поэтому копыта у монгольских лошадей мощные и крепкие. За зиму и начало весны животное теряет до трети своей массы, а летом, всё ещё не набравшееся сил, оно противостоит знойному ветру и изнуряющим укусам насекомых. Не зря лошади обрастают такой длинной шерстью, которая защитит и от стужи, и от кровососущих. Только осенью начинается раздолье для местных буцефалов. Кони быстро набирают на зиму приличный жировой слой.

Они практически не изменились со времён Чингисхана. Да и было бы наивно ждать от этой породы изменений, ведь она, как известно, была такой ещё за пару тысячелетий до рождения христов. Природа меняется, как правило, очень медленно, если человек не приложит к этому свою вездесущую руку. Но монгол неспешен и сегодня. А монгольские лошади всегда способны выстоять против природной стихии. Ростом они невелики, даже ребёнок может их оседлать, ведь в холке у них от 121-го до 142 сантиметров росту. Наиболее рослыми, кстати, являются лошади, живущие в степной части страны. Горные представители породы более коренасты, но обладают очень сильными ногами.

Одной из причин низкорослости местных лошадей, как говорят ученые люди, являются местные традиции. А именно — кобылье молоко днём сцеживают, и жеребята могут насытиться им лишь ночью, соответственно рано переходят на жёсткие корма. Лошадь для монгола всегда была и друг, и еда, и... питьё! Из конской кожи здесь создают и одежду, и украшения, а во времена Чингисхана делали и щиты, и импровизированные латы. Волосы из гривы и хвоста сплетают в верёвки, а также используют в качестве струн для местных музыкальных инструментов. Чингисхановы воины предпочитали ездить на кормящих кобылах, но не только молоко было питьём и едой воинственных монголов. В крайнем случае на шее коня надрезалась венка, и хозяин мог насытиться кровью.

В походы монголы брали для одного воина нескольких лошадей, чтобы всегда быть на отдохнувшем скакуне. А на скачках и в схватках наездники показывали чудеса вольтижировки. Ведь на коня своего малыша они сажали, когда он ещё не умел ходить, а ко взрослому состоянию всадники просто срастались с лошадью, становясь настоящими «кентаврами». Когда Есугэй в первый раз посадил ещё совсем маленьким Тэмучжина на коня, тот с удивлением огляделся вокруг: привычный мир ребёнка, ползающего вокруг кибитки, вдруг раздвинулся до далёких холмов и недалёкого озера, заросшего камышом. А теперь этот мир раздвинулся так, что границами его стали моря и океаны. Чингисхан покорил Китай и уже думал о походе на Среднюю Азию.

Темнота свалилась с неба, как огромный чёрный камень, придавив окрестности. В такое время ему хорошо думалось у тлеющих угольев костра. Сейчас Чингисхан вспоминал, как выступил против татар. Зная привычку своих воинов захватывать добычу сразу во время боя,

что не давало им, нагруженным чужим добром, полноценно сражаться, он под страхом смерти запретил не только мародёрство, но и преследование неприятеля без приказа. Только после боя можно было распорядиться захваченным имуществом. И то делить его между всеми должны были начальники. Однако, несмотря на приказ, его же родственники занялись захватом добычи раньше положенного срока. И взбешённый Чингисхан отправил к ним отряд во главе с нукерами Джебэ и Хубилаем, повелев отобрать награбленное.

Родственники со своими воинами так увлеклись дележом, что не обратили внимания на то, как окружили их татары. Отряд под предводительством нукеров прибыл очень вовремя: ещё бы немного и ослеплённых грабежом родственников Чингисхана татары вырезали под корень. Посланные отобрать награбленное нукеры оказались наоборот — в роли спасителей, что не помешало им позже выполнить приказ своего повелителя. Однако татар Чингисхан, припомнив им смерть отца и прочих предков, решил уничтожить напрочь. На совете, собранном после битвы, было решено перебить всех татар, кроме детей ниже тележного колеса. Однако Бельгутэй, брат самого Чингисхана, проболтался о приказе Церен-эке, своему приятелю-татарину.

Конечно, предупреждённым татарам бежать было некуда. И они, спрятав в рукавах ножи, как могли подготовились к встрече. Поэтому монголы во время их истребления сами понесли немалые потери. После этого болтливому Бельгутэю было запрещено присутствовать на семейных советах. А теперь Чингисхан и вовсе советовался с родственниками лишь в исключительных случаях. Что знают двое — знает и свинья. В Средней Азии его привлекали цветущие города Семиречья. Идти он решил через долину реки Или. Там, в Семиречье, располагались богатые поселения, но правил ими его давний враг — Кучлук. Этот беглый найманский хан попросил местного гурхана Чжилугу, который дал ему убежище, когда того разбили при Иртыше, помочь ему собрать остатки армии.

Однако негодяй всегда готов предать. И помогший Кучлуку гурхан вскоре оказался в западне. Когда найманский хан собрал свежее войско, он заключил против своего благодетеля новый союз — с Мухаммедом, шахом Хорезма, который до этого платил дань каракитаем. Каракитаи, которых называли также кара-киданиями, что значит «чёрные кидани» на самом деле ответвление родственного монголам кочевого народа. После разгрома в начале XII века чжурчженями государства Ляо, где они проживали, им пришлось покинуть обжитые края и откочевать в Среднюю Азию. Здесь они заселили Чуйскую и Таласскую долины. Титул гурхана тогда носил глава добровольно объединившихся нескольких племён каракитаев.

Новые союзники восстали на своего господина, проведя успешную военную кампанию, и гурхану ничего не оставалось, как отказаться от власти в пользу незваных гостей. А вскоре гурхан Чжилугу умер, и найманский хан стал полновластным правителем Семиречья. Под его управление перешла северная часть Ферганы, а также Сайрам и Ташкент. И тут же изворотливый хан становится противником Хорезма, начав в своих владениях гонения на мусульман. Это вызывает ненависть оседлого населения. И вскоре правители поселений в долине реки Или и смежных с ней областей отходят от найманов и объявляют себя подданными Чингисхана, объединившись с войсками его нукера Джебэ, с которым теперь и отряды нойона Наяги, вернувшегося из Китая.

Монголы в союзе с местным населением покоряют Семиречье и Восточный Туркестан, которыми ещё владел Кучлук. В первой же битве найманы разгромлены. Чингисхан разрешает мусульманам запрещённое ранее найманами публичное богослужение. И это привлекает всё оседлое население на сторону монголов. Победённый Кучлук опять бежит, на этот раз в Афганистан. Но, как видно, удача его покинула совсем: именно там он был пойман и убит. А жители Баласагуна, бывшего каракитайского города, сами открывают ворота монголам. За это поселение получает название Гобалык — «хороший город». Теперь перед Чингисханом открыта дорога в непокорный пока Хорезм.

Сдержать победоносное шествие Чингисхана не дано никому. Сам Сотрясатель едет вдогонку к своим нукерам Джебэ и Субэдэю. Хорезмшах укрывается в мусульманском Самарканде. Именно туда ему доставляют короткое письмо от главы всех монголов: «Ты хотел войны — ты её получишь!» Город готовят к обороне, окружают прочной стеной. Шах повелевает сжечь все поселения на пути монгольских войск, чтобы лишить кочевников дорожного пропитания и крыши над головой. К Самарканду стягиваются десятки тысяч мусульманских воинов, в качестве военного сюрприза готовят 20 боевых слонов устрашающего вида. Созданы отряды лучников, которые должны прибыть на коне со своим вооружением и запасом провизии.

Для Мухаммеда все приходящие с востока — татары, и он говорит своим подданным: «Мне говорили верные, знающие люди, что войско татарское по сравнению с моим войском ислама то же, что струйка дыма среди чёрной ночи. К чему его бояться?» Однако монголы и не бросаются на неприступные стены, они берут хитростью. Джебэ с Нягой приступают с востока, Чингисхан — с запада. Растерявшийся Мухаммед упускает время и оказывается запертым в ловушке. Тогда он решает бежать через подземный ход, объясняя придворным, что едет собирать новое ополчение. Более чем сотысячная армия остаётся в городе без своего главнокомандующего, и гарнизон охватывает паника. Тем не менее командиры готовят то одну, то другую вылазки. Но все они кончаются неудачей.

Особенно расстроила осаждённых неудача с боевыми слонами, на которых они очень рассчитывали. Они ввели их в бой, и монголы, казалось, дрогнули. Однако рвавшиеся вперёд защитники Самарканда не знали, что опять попадают в ловушку. Это была излюбленная тактика Чингисхана. Его войска начинали мнимое отступление и затягивали за собой противника. Но скоро измотанных преследователей отрезали свежие силы монголов, и атакующих ждал бесславный конец, а то и полное истребление. Так было и на этот раз, и слоны не принесли на своих спинах обороняющимся победы. А в это время Сотрясатель лично объезжал Самарканд, осматривая его стены, валы и рвы, и выявлял слабые места в обороне.

На третий день, ранним утром, Чингисхан сел на коня и стал лично давать указания, как и что делать его отрядам, чтобы пробить брешь в обороне города. До самого вечера осаждённые храбро оборонялись от атакующих, пытаясь организовать контрнаступательные вылазки. И всё же они настолько пали духом, что тридцать тысяч самаркандцев решили сдаться в плен. Если бы они знали, чем это кончится, они предпочли бы умереть на стенах своего города. Монголы беспрепятственно пропустили сдающихся на свою территорию, а затем всех до единого перебили как изменников своему повелителю. Такой вот обычай практиковал Сотрясатель. На пятый день остатки обороняющихся сдались Чингисхану без боя.

И опять не обошлось без трагедии. Во главе с духовным главой города самые знатные горожане Самарканда смиренно пришли к Чингисхану просить милости, сдавая совсем павшую духом крепость. Сотрясатель их выслушал, казалось, благосклонно, зная, однако, что в это время его воины врываются через открытые ворота в город. Пленив население и согнав его к стенам крепости, монголы приказали разрушить их. После этого обессиленных самаркандцев выгнали в поле, где мужчин стали грабить, отбирая последнее, что они прятали на себе, а женщин — насиловать. Оставшихся в живых воинов ислама, большинство которых составляли кипчаки, известные на Руси как половцы, Чингисхан приказал умертвить.

Кочевые когда-то племена кипчаков, осевши в сытных городах Средней Азии, превратились там в местную аристократию или элитных воинов. Сотрясатель ехал верхом со свитой, следующей позади, по заваленным трупами улицам города и думал среди дымящихся местами развалин, что из оставшихся по окрестным поселениям кипчаков, с которыми надо что-то делать, он будет формировать свою армию. К нему то и дело подскакивал кто-нибудь из близкого окружения и просил в подарок то одно, то другое. Чаще всего хотели представителей какого-нибудь ремесла, которыми славился древний город. Так, думающий о своём Чингисхан роздал в качестве подарков своим сыновьям и прочим родственникам тридцать тысяч ремесленников.

Он думал также о том, что в общем-то без особого труда и потерь ему удалось захватить могущественное государство хорезмшахов. И теперь он знает, как сокрушить и разрушить самые укрепленные и богатые среднеазиатские города. И пусть шах Мухаммед сбежал, он настигнет его и покарает. Ах, шах, трусливый и безмозглый, как заяц!

Сотрясатель улыбнулся. Дым першил в горле, хотелось пить. И тут к нему бросился какой-то местный старик в лохмотьях, держа на вытянутых руках глубокую медную тарелку, наполненную чистой водой. В его дворе был чудом сохранившийся колодец. Он явно хотел милости повелителя. Уж не отравлена ли вода, мелькнуло в голове у всадника. Нет, сегодня его день и судьба на его стороне! Чингисхан принял чашу, сурово глядя старику в глаза, но вдруг, обычно сдержанный на людях, расхохотался — и немедленно выпил.

Акт шестнадцатый. И глубина...

И глубина замысла, и задумка его технического воплощения определяют способ наложения краски на холст. Хотя, как ни странно, бывает и наоборот: когда готовишь краску, вдруг понимаешь, какие возможности она может дать для той или иной идеи. А ведь, казалось бы, механический процесс — красящий порошок растирается с маслом и получается масляная краска. Кстати, тут всё зависит от тонкости порошка и рода растираемой краски. Ещё надо добиваться такого смешения, при котором, во-первых, не остаётся несмоченных маслом частей порошка, а во-вторых, отсутствуют в этом веществе частицы воздуха, а точнее — кислорода, который окисляет масло. При трении курантом она не должна скрипеть, а при растирании между пальцами не должно ощущаться зёрен краски.

Курант это такой пестик, притёртый к каменному основанию, который служит для очень тонкого растирания красок, которого не достичь в ступке. Сам курант делают из камня той же породы или из фарфора, стекла, агата, металла. Мой, например, из агата. Для чего нужен такой мелкий порошок? Чтобы получить от краски наиболее насыщенный цвет. Чем больше тонкость измельчения, тем большей цветовой мощностью обладает краска. Кроме того надо помнить, что медленно смачивающиеся маслом краски, такие как цинковые белила, ультрамарин, изумрудная зелень, требуют к себе особого подхода. Их растирают в два приёма, оставляя после первого на сутки в покое. Тогда они становятся жидкими и текучими настолько, что требуют добавки сухой краски.

Я растираю краску для успокоения, как всегда после того, как мы сцепимся с Гагой. Как это происходит, я не успеваю отследить. Вот вроде бы всё нормально, разговариваем, пьём, едим, а через минуту уже кричим друг на друга как резанные. И у меня дрожат от ненавистной нервозности руки, не соображает толком голова, а она бросается на меня чуть ли не с кулаками. Сегодня опять приехала поддатая, выведя уже этим меня из рабочего состояния. Опять они чего-то отмечали. Накурилась. А я, как бросил курить, не переношу ни запах, ни вкус сигаретного дыма. А она лезет целоваться, не даёт мне даже собрать краски, ведь уже понятно, что работать я не смогу. Я резко развернулся и концом кисточки случайно задел её блузку. Она в крик:

— Ты что? Ты специально? Испортил мою лучшую вещь! Уже не знаешь, как от меня избавиться?

— Сними, я сейчас растворителем ототру пятно.

— Ага! Чтобы совсем её испортить! Теперь не отстираешь.

— Я куплю тебе новую.

— Купит он! Это же настоящая Италия! Она знаешь сколько стоит?

Я понял, что говорить тут бесполезно, и промолчал. Понятно, что она много делает для меня, вон уже купили одну картину её друзья и на Кавказ она меня собирается взять в команде своих писак, но сил моих мужчинских нету выдерживать её закидоны. Я уже пару раз собиравшись дать ей вторые ключи от «своей» мастерской, но каждый раз она что-то такое отмачивала, что отбивало у меня охоту это делать. Причём отмачивала иногда в прямом смысле слова. Как-то я мылся в душе, а она, накидавшись на работе, добавила, придя, ещё водки в моё помывочное отсутствие, и её повело. Она пришла мне «помочь». И пока я стоял, намыливая голову, сняла с держателя душевую головку на шланге и стала, смеясь, поливать меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.